

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ
КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

10 prosince 1930.

Volné Kozáctvo

Ročník IV.

10-го декабря 1930 г.

70

10-го грудня 1930 р.

П Р А Г А

П Р А Н А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ий

РІК ВИДАННЯ 4-ий

1930/3

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Сергей Маргушин*: Синий Курган ** (Verše).
  2. *Александр Аникушин*: В комишах. (V rákosí).
  3. *Алексей Персидсков*: Казакам — там! (Kozakům. Verše).
  4. *Виктор Карпушкин*: Степь зовет! (Volání stepu. Verše).
  5. *Санжа Балыков*: Рассказ калмычки. (Vypravování kalmyčtí).
  6. *Ив. Тамаревский*: Вера. (Věra).
  7. *С. Савицкий*: ** Вірш. (Verše).
  8. *В. С.*: Завещание. (Poslední vůle).
  9. *Я. Рудик*: ** Вірш. (Verše).
-
10. В день годовщины. (V den výročí).
  11. *В. Куртин*: 10 декабря 1927 года — историческая дата. (10 prosince 1927 — historické datum).
  12. *Н. Нечуй-Левицкий*: К трехлетнему юбилею „Вольного Казачества“. (U příležitosti třetího výročí „Volného Kozáctva“).
  13. *Шамба Балинов*: Является ли Казачество народом. (Je li Kozáctvo národem).
  14. Флаг и герб Казакии. (Vlajka a erb Kozakii).
  15. *В. П. Елисеев*: „Белое окружение“. („Bílé komando“).
  16. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
  17. Международная жизнь. (Mezinárodní život).
  18. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
  19. В Казакии. (V Kozakii).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Земун. — П. К. — Получено. Привет.
 Югославия. — И. М. Н. — Получено. Хорошо. Присылайте еще. Привет.
 Югославия. — К. П. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
 Болгария. — И. У. — Хорошо. Привет.
 Италия. — Н. П. — Посылается по новому адресу. Привет.
 Югославия. — Г. М. — Послано. Привет.
 Франция — Г. Х. — Получено. Спасибо. Привет.
 Франция. — Д. В. — Надо ли делать им рекламу, хотя бы и так? — думаем, что нет. Привет.
 Харбин. — П. К. — Получено. Привет.
 Париж. — Е. Я. — Об этом фильме в „В. К.“ уже писалось подробно. Не стоит повторять. Привет.
 Швейцария. — П. З. — Будет помещено в одном из следующих номеров. Привет.
 Бельгия. — И. Ш. — Просьбу исполняем. Привет.
 Братислава. — А. П. — Получено. Привет.
 Югославия. — А. П. — Получено. Привет.

Тшебова. — П. Х. — Ваши вещи „на очереди“. Привет.
 Канада. — Е. Б. — Хорошо. Привет.
 Болгария. — Я. Л. — Будет помещено в след. номере. Привет.
 Югославия. — А. Г. — Будет помещено в одном из след. номеров. Привет.
 Польша. — А. К. — Нам тоже ничего не известно о том „комитете“. Вероятно „опозиция“. Теперь много есть охотников „играть роль“, — вот и выдумывают. Не обращайтесь внимания и не слушайтесь никаких „обращений“. Чем больше будет „независимых“ „центров“, — тем хуже будет казакам. Искренний привет.
 Польша. — А. Б. — Наименше зарабатывают в Польше 150-200 злотых в месяц. А некоторые гораздо больше. А журнал стоит всего 15 злотых в год. Это немного. При желании всегда можно уплатить такую сумму. А если нет желания оплачивать журнал у того, кто на это имеет, то такому человеку бесполезно посылать его и даром. Вот почему мы и сокращаем бесплатную рассылку „В. К.“. Привет.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин**.
 В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков**.

В ЮГОСЛАВИИ:

F. G. Polkovnikov, Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.
А. А. Гейман, Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banát).
А. Чекин, Крагуевац.
П. Апостолов, Скопље.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев: M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган, Харбин, Биржевая, 32. (P. Kovgan, Harbin, Birjeva, 32).

В ПОЛЬШЕ:

В. В. Фесенко, W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7, Warszawa.
Вл. Еремеев, W. P. Wl. Jeremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В О ФРАНЦИИ:

M-r Ivanoff, cantine russe, „С. G. с. В.“ Paray le Monial (Saone et Loire).
Е. М. Якименко, M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).
Т. К. Хоруженко, M-eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
И. Т. Курило, M-eur Kourilo, rue Brunereau 53, à Cenon près Bordeaux.

В БОЛГАРИИ:

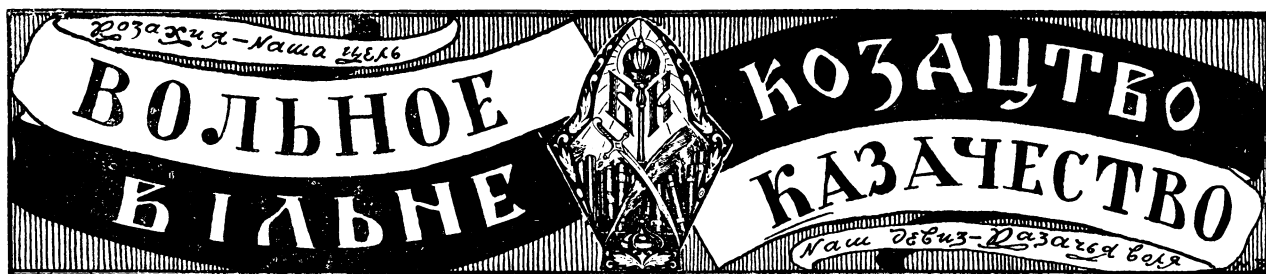
Т. Л. Ляхов, София, ул. Хаджи-Димитров, 3.
Н. В. Аниканов, Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров, Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров, (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий, S. Savytzky, Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —
Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.
(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochova, 130. Tchécoslovaquie.

№ 70

среда, 10 декабря, 1930 — среда, 10 grudnia, 1930.

№ 70

Сергей Маргушин. (Румыния).

СИНИЙ КУРГАН.

Чорніють, чорніють ще свіжі могили
В далеких — далеких безкраїх степах,
Де криці — гармати звірюкою вили,
Де любая воля кувалась в огнях.

Я. Рудик. („В. К.“, № 32).

Где тырса с ковылем,
В миражах купающ, тонет
В степной синеве;
Народ где, подавленный, стонет
На нашей Казачьей Земле;
Где степи широкие
И реки глубокие;
Где пышным ковром развернулись луга;
Где бой был жестокий
И кровь где стекла, —
Курган там стоит одинокий,
Синей дымкой покрытый всегда.
И знаем (преданье ведется
От старых седых казаков),
Что с прошлых далеких веков
Он Синим Курганом зовется.
И много преданий сложилось о нем,
Что будто бы темною ночью
Над ярко горящим огнем
Какой то неведомый Дух —
То стонет, то громко он плачет,
То гневно он бурею воет,
То вихрем он вьется и пляшет, —
Зовет казаков он к жестокому бою
И шашкой казачью машет.
То явится с пикою конный,
Вздывая коня на кургане,
Покрытый стальной броней,
То снова исчезнет в тумане...
Днем пастухи на курган тот взберутся,
Любуясь ширью степей,
Ночью же темной старается каждый
Об'ехать его поскорей.
Но нашлись смельчаки — казаки,
Что не мало уже воевали, —
Все герои Великой войны,
Да и с красными в битвах бывали.
И решили ту тайну кургана проверить,

И можно ль молве человеческой верить.
Вот полночь настала.
Тьмою покрылись станицы.
Все живое уже спало.
Не спал только Синий Курган —
Страж просторов — степной великан.
И с ним не дремали
Три смелых орла —
За ним наблюдали.
Кругом была мгла.
Вдруг, среди ночной тишины
Синий Курган задрожал
И силою грозной из недр глубины
Вихрь вершину сорвал...
И ярким слепящим светом
Кругом озарились степи
И в панцире вышел Бессмертный,
Закованный в цепи.
Исполненный гнева и муки,
Как узник темницы,
Оковами сжатые руки
Простер он к уснувшим станицам...

— Потомки, потомки мои...
Славных прадедов правнуки,
Крепким заснули вы сном, —
Кто ж раскует мои руки?
В тундры холодной Сибири
Путь я для Вас ли искал —
В боях не щадил своей силы,
Славой казачьей я жил и дышал?
Прах мой остался в Сибири —
В холодных волнах Иртыша,
Душа ж над степями родными,
Над Вами витает всегда.
И радость, невзгоды и славу
Я с Вами всегда разделял.
В неравном бою Ваши лавы
Отвагою я подкреплял...
И много Вы буйных сложили голов
И с честью за правду в степях умирали...
Москва же из Вас сделать хочет рабов,
Но вы все ж не даром свободу отдали...

И что же, на Волю опять враг напал...
Вставайте, свободы час снова настал!
Просторы и степи родные
Насыщены кровью чьей?..
Отцы ваши, братья и дети
Полили их кровью своей!.. —

И юноши, старцы — в зияющих ранах,
С предсмертною мукой в глазах
Предстали к подножью кургана.
И руки, пробитые руки
Тянулись к душе Атамана, —
Их тысяча тысяч, их тьма
Простерлась к ногам Ермака...

— За все их мученья,
За кровь и за страду
Какие дадите вы им искупленья,
Какие им жертвы дадите в награду?!
— Отмщенье, отмщенье за раны! —

Кругом зашумело,
— Отмщенье за нас — нам награда!
Неслось по степям и гремело...

Восток побледнел. Тучи атели.
Проснулись станицы — возы заскрипели.
А души... казачьи души,
В предсмертных боях испытанные муки,
Как тени летели в степях...
И скрылись все в плавнях Кубани,
В донских камышах,
На Тереке бурном,
В Кавказских горах...
А утром к кургану пастушки пришли
И мертвыми трех у кургана нашли...

А Синий Курган все стоит одиноко,
Стоит он, окутанный мглой,
Казачьи силы глубоко, глубоко
И крепко хранит под землей.

Александр Аникушин. (С. Америка).

В комишах.

Що воно могло зробитись з Василем, що до цього часу його немає? Вночі, збираючись в станицю, казав що довго там не буде; забіжить до дядька Миколи; побачиться з Титяною, та й — до комишів. Ой, Боже! — не дай лиха!..

— І чого це ти, Матвію, расплакався, як мала дитина?

— О, Господи! — спаси його душу грішну.

— Не журись, Матвію, він же парубок уже; забалакався з Титяною, може — пригорнувся...

— Мабуть, смерть вже його пригорнула.

— І ми ж колись парубкували і дівчаток пригортали.

— Воно то так, куме.

— Колись було врем'я, а тепер друге; колись була воля, а тепер... Ваньки в лаптях. Та ще як побачуть, що він один... Знаєш, куме, коли вони побачуть двох, трьох козаків, то втікають, як собаки, піджавши хвіст.

— Ні, хлопці, я бачу, що Матвій не за Василя боїться; бо добре знає, хто такий Василь. Йому кортить, як котів сало: Василь обіщав принести з станиці журнал „Кавказский казак“.

— Дивіться: Василь іде! — чогось сумний лише; мабуть, Титяна не поцілувала; не обняла і на прощання, хамова дівка.

— Не такий Василь козак, щоб за дівчатами журився, — сказав Матвій, — щось случилось у дорозі. Василю, що з тобою? Ти чорніший від землі. Кажі скоріше, ради Бога, що случилось?

— У Титяни забарився, — вставив кум.

— Ні, брати мої, не Титяна в голові моїй, каже Василь, я світу ждав на Куцій косі, щоб прочитати журнал, бо тут прокляті комарі з'їдять за читанням.

— Що-ж там пишуть? — запитали козаки.

— Хай Василь читає, — сказав Матвій.

Похмуре козацтво обступило Василя.

Василь з клунку дістав журнал, перегорнув сторінку і став читати; кругом на хвилину затихло.

—... „Но главное, мы должны сами создать свой казачий „Фонд освобождения Родины“ — казачий боевой участок на общерусском фронте борьбы за освобождение России...“

— Що?! освобождения России! заревло гуртом козацтва. — Козачі гроші на освобождение России! А станиці наші, Козаче Військо, хто буде спасати?

— Стой, Василю... Це щось не так...

— Ти, Василю, мабуть, погано написав наше козаче Військове письмо?

— Я все написав, що думає козацтво і ціле Військо.

— Ей, Гринько! — принеси нам протоколи.

— Чуєш, Василю, чи ти написав, що записано у протоколі?

— Кажу вам, що написав.

— А ну, кажи нам, як ти писав.

Василь взяв у руки книгу і став читати.

... „Думаем, що в этом году щось зробимо: або всі погубнем, або ослободим нашу Кубань од красної сволочи. Все б було давно зроблено; но у нас тут дуже багато гарнізацій; і одна другій мішає; а тепер прийшли до одного: спасти Край свій від антихриста красного Ваньки...“

— Правильно написано в протоколі! — вигукнуло кілька голосів.

— Не можу понятти, бурчав Матвій.

— Мені, здається, — зачав Василь, — що всі козаки там застрягують так думають, як ми отут у плавнях... Лише отоманство морочить людям голови; воно-ж не знає, що таке комиші, комарі, холод і голод...

— Правду кажеш, Василю, — говорив Матвій. Не можу понятти; і люде грамотні вони; і мають лой у голові, а пишуть такі дурниці; як почитаєш те возваніє, то...

— Читай, Василю, далі, — лунали голоса.

... „Наши братья казаки ждут от нас помощи...“

— Це добре... гаразд.

— Підждіть, ще побачите, як воно добре, — заважив Василь.

... „Казачьи Края — не отделимая часть нашей общей Родины России...“

— Пожалів вовк кобилу, залишивши хвіст та гриву!

— Сто чортів вам у ребра за таку писанину!

— Стара пісня!

— Тихо, хлопці! — стримував Василь.

— Не всі зразу! — Будемо порядок держать.

— Говори Василю, ти грамотніший.

— Та я ще молодий говорити первим.

— Хай старі говорять.

— Нема тут ні старих, ні малих.

— Всі ми рівні, всі ми вільні козаки.

— Починай, Василю!

Василь трохи одкашлявся і став говорити.

— Брати, славні козаки! — почав Василь, — звиняйте, що нескладно буду говорити, зате од козачої душі. — Оцей журнал, — що маю я в руках, — убив у міні мою душу; не з такою мислю я пробирався з комишів в станицю. Всі ви добре знаєте, який то тяжкий путь; та не зляка ніщо козака; я хотів хоч трохи дістати світу для козачої змученої душі. Лучче було б мені не ходити за ним; бо тепер бачу, що не світу я

приніс у свій курінь, а тільки більше горя і клопіт. Но не вірю я, що всі козаки мають таку думку. Я добре писав їм, яку думку має воцоставше Козачество; і думаю, що всі козаки заграницею читали це письмо. Мені, здається, що вони дуже багато мають гарнізацій; но прийде время, і вони поймуть, що робиться між ними; і всі собирутсь до купи. І вірю тому, що не всі козаки свої душі козацькі згубили...

А тут пишуть... срам казати. Спочатку пишуть, що вони всією душою з нами, а далі — що з Москалями; не знають на яку стати, як та баба, що ставила свічки і Миколі Святому і чорту страшному. І не маю до них я віри; присягали, як їх вибирали, що служитимуть Рідному Краю; а як тільки втикли заграницу, то об'являють затуляють дурницю — визволяти Козачество з картузами; стара пісня; вони ошибуються. Бо багато втікає козаків від Буденного, що з кацапами проти нас воювали; мучить совість душу козаку, ми-ж їх до себе прийняли; простили їм гріхи... Оце все, що мав сказати вам, брати мої. Звняйте, що нескладно говорив. Будемо-ж захищати свій Край до последней каплі крові.

— Правильно, правильно! — загуло з гурту.

— Ще хто буде говорити?

— Хай Матвій говорить!

— Господа, хіба-ж я оратель.

— Просимо, просимо!

— Господа! правду сказав Кум, що мені кортіло почитати журнал, одвести душу; та й одвів як раз... А тепер скажіть мені, хто станицею орудує? — Комуністи, лапотники. Хто в правленні сидить? — Большевицький комисар, присланий Бог знає з відкіль. Вчорашній арештант. Хто забрав у нас земельку? — расейці. Хто забирає хліб у нас? — Ваньки расейські. Хто заганає, як худобу, нас в комуни? — Комуністи, картузи. Хто вигнав нас із власних хат? І після цього Отамани наші зв'язались з Москалями; та від них давно треба отказатись... Сидіть і срам.

Господа! заклякаю вас за своє проливати кров;

за свою козаку вольність душу положити... Я тільки дуже жалкую, що наші хлопці заграницею нічого не бачуть, що робе наше Отаманство; і куди веде їх на службу. Мені, здається, що не всім там дурні, що мають розум в голові і козаке серце; думаю, що прийде час і все козачество пойме, що роблять з ними їх вожді; тоді прийде час ізбавлення і зйдемося усі до купи!

— Добре сказав Матвію!

Між юрбою пробирається дід Михайло наперед.

— Хотів би й я сказати де-що, — крикнув дід Михайло.

— Просимо, просимо, дідусю.

— Славне козачество! Те, що я скажу отут, хай чують всі; ви, ті, що роскидані по цілому світу, і ті, що стратили душу козаку. Настав уже час; і прийшло долгожданное время. І піднявся козак із под тяжкого ярма, що наділи на нас сотні років назад Московські царі... Но проснувся козак, і воскресла душа; закипіла в ній кров предков; і ніщо, і ніхто вже не спинить лави козачої... Ні хитання вождей; ні страх малодушних людей, що себе називають козаками; ні огонь і ні меч, що пускається в нас Москалями. Бо прорвався до нас з загранишних країв наш козакий журнал. Подивіться ви всі ось на цей журнал; я рішив його вам показати, щоб журбу розігнати. Подивіться ви всі, що на першому листі нарисовано: Тут козак молодий на коні вороном по оврагам, рекам, по просторним полям мчить; і на знамені его развевається все, що Козачеству нашому треба; тут написано просто і ясно — „Вільне Козацтво“. Це покаже нам, що ми не одні, що заграницею є ще вірні сини; і вони піднялись на заступу Козачества рідного; слава їм, тим орлам молодим!.. А тепер, хлопці, станьмо та заспіваємо пісню. Заводь, Василю!

... Гей, ну, хлопці, до зброї...

Почав Василь, а за ним і ціла ватага.

І полилась по комишах пісня-заклик до дальшої кривавої боротьби з жорстоким ворогом — зайдою...

Алексей Персидсков. (Братислава).

КАЗАКАМ — ТАМ!

Песни все ли мною перепеты,
Исчерпал ли я тоску до дна?..

Гей! вы там, что разуты и раздеты,
Многоскорбные слушайте слова.

Кровью чьей политы те дороги,
По которым ездит ныне хам?
Раньше чьи пылили дроги
По полынным вспаханым полям?
Раньше чьи амбары наполнялись хлебом, —
Разве даром доставался он?
И под синим южным небом
Чьих церквей метался перезвон?
Ведь не так живали ваши деды,
Под ярмом ходили ль у кого?!
Разве славный луч победы
Не зажегся там, в степях давно?..
Почему ж вы терпите обиды,
Пришлых хамов носите ярмо?
Разбивайте силой коллективы,
Не ходите под винтовкой на гумно!
Время близится и час уж краток...
На горах Кавказа слышен гром!
Не щадить врага — не будь, казак мягок
За обиды, за сожженный дом!

Мы же здесь, в борьбе с тоской и голодом,
Под чужим навесом коротаем дни,
Но — куем „свистящим молотом“
Будущность Казакии.

Виктор Карпушкин. (Брно).

СТЕПЬ ЗОВЕТ!

Красным полымем земля вспыхнула,
Где-то в воздухе пушка ахнула,
Понеслася в степь песнь бродяжная,
Навалилася рать сермяжная.

Сапожищами (дегтем смазаны),
Затоптали степь окаянными...
И на сотни верст стоны слышутся...
Тучи красные дальше движутся.

На расправу прут, как на пир большой,
Воевать идут с казаков „ордой“,
„Что под ноги пасть не хотят Москве,
А за то прибрать их пора к руке“.

Раскричалася русь сермяжная,
Забурлила в ней кровь бродяжная
И накинута на Казачий Дом,
И кривым серпом размахнула в нем...

Полилась ручьем кровь горячая,
Застонала вдруг степь казачая
И окрасилась во кровавый цвет...
Палачам смердным конца-края нет...

Рать московская на степи поет,
А родная степь всех сынов зовет:
„В ком казачья кровь, эй нечай!
Все, плечом к плечу, за Казачий Край“!..

Санжа Балыков. (Прага).

Рассказ калмычки.

... Народу в нашей станции мерло тогда, зимою 19 года, почем зря. Только что я начала поправляться от брюшного, приехал муж из Зюнгарского и слег возвратным. Чтобы пользоваться доктором, я привезла мужа в Великокняжескую, наняла квартиру и начала его выхаживать. Доктор лечил за одно и меня.

Лечение шло хорошо. Думала — муж скоро встанет, облыготится на месяц и мы поедем домой. Всего полгода, как были женаты... И полного месяца вместе еще не жили.

Прошел февраль. Однажды ночью раздается в наше окно сильный стук и незнакомый голос кричит: „Есаул Шарманжинов! доктор Рассказов передал, чтобы вы сей-час же ехали на станцию и садились в поезд; к утру станция будет занята большевиками; все уходят!“ Прокричал он это и исчез. Я так и обомлела. На дворе ночь — хоть глаз выколи, на улице невылазная грязь и ни души знакомой в станции.

Кинулась будить мужа, а у него как раз — приступ. Температура больше 39. Совсем равнодушно отнесся к известию; махнул рукой и отвернулся к стенке. Что делать?.. Разбудила квартирную хозяйку (хорошая была женщина), дала ей 100 рублей и попросила поскорее найти подводу — довести нас до станции. „Сколько хотите платите, остальное вам“.

Не прошло и полчаса, как она пригнала дрогаля. Я одела мужа, наспех завернула наш багаж, наложив на дроги, сели и поехали. А на станции уже народу!.. у вагонов драка, крики... Один за одним ушли два состава, полные людей, а народу как-будто и не убавилось. До утра проторчали на перроне. К утру удалось попасть в вагон. „Ну, Слава Богу, думаю, наконец поедем“. Сидим час, другой, а поезд наш все стоит и стоит. Уже стало светать. Смотрю, в вагоне народу стало меньше. Начала беспокоиться. Вдруг вижу и слышу: скачет казак мимо состава и кричит: „Спасайся, кто может! Поезд не пойдет, красные отрезали!.. Господа офицеры, снимайте погоны и кокарды!“.. Вот тебе на!.. Кругом заохали, засуетились и бросились вон из вагонов.

Высадила я и мужа, все вещи бросила, взяла только саквояж с моими ценностями. Потасились по грязи назад, в станцию. Зачем, куда — не знала. Муж едва волочит ноги, шатается, я тоже была еще слаба, но ташу мужа под руки. Вдруг слышу из за забора: „Куначка, погон-то с мужа сыми!“ Глядь, а у мужа еще погоны на плечах... Забыла в суматохе снять. Живо оторвала их и втоптала в грязь. Не прошли дальше и два десятка шагов, вижу — скачет всадник и прямо к нам. Смотрю — на шапке красная звезда. „Вот и смерть“, — подумала я.

— Стой! Давай деньги! — заорал он и направил прямо в грудь мужа винтовку.

— На-те, на-те, тут есть, — сказала я и протянула ему саквояжик.

Он взял его с коня и поскакал дальше. Так все ценности и погибли. Было там: кольцо с бриллиантом, что сестра Джимья подарила, когда я замуж вышла, сережки такие-же, еще коралловые, три золотых кольца, две пары золотых браслетов, десяток старинных золотых монет, часы золотые. Но в тот момент я и не подумала их жалеть, только теперь часто думаю: „А что если бы не отдала, убил бы он меня, или нет?“

Пошли мы дальше. Нагоняет нас возилка с будкой и быков ведет моих лет калмычка. Я к ней: „Сестрица, позвольте положить больного мужа на возилку и вместе будем отступать“. Она, не говоря слова, остановила подводу и помогла посадить моего мужа в будку. Там было двое детей 3—5 лет. Стало немного легче, не так страшно. Вдруг видим скачут к нам двое верховых.

— И куда вас черти носят, езжайте на соборную площадь, там вам покажут, как за казаками бегать! — закричали они. Бить еще не били, но по русски здорово ругали.

Цобе, цобе! — загалдели мы, две бабы, на быков, сворачивая их в сторону собора.

— Стой! Ты, скидывай сапоги! — приказал мне один.

Я села прямо в грязь, стянула мои новенькие сапожки и отдала. Они взяли и поехали дальше. Я осталась босиком, а грязь по колено и холод. Отъехав немножко, калмычка полезла в будку и вытащила мне мужские валенки. Я обтерла ноги и надела.

Проехали квартала два, вдруг — трах! ось одного колеса пополам. Мы и стали, не зная, что дальше делать. Хозяйка подвода стала почему-то туже затягивать кушак и сосредоточенно наворачивать кнут на кнутовище. Я полезла к мужу, чтобы вытянуть его оттуда, а он там мечется по будке на четвереньках, раскидывает чужие вещи и что-то ищет.

— Что ты ищешь, Бадьма?

— Револьвер мой, я не сдамся живым!..

Тут я невольно захохотала. Верно, видно, говорят, что „смех от человека только со смертью его отходит“. Это он, в чужой возилке, свой револьвер искал, который дома был оставлен.

Вытащила я его из будки, глядь, а хозяйки уже нет. Исчезла куда-то, а дети остались на возилке. До сих пор не знаю, чьи это были дети, ее или чужие. Взяла я мужа под руки и повела куда-то, а дети плачут, я им кричу, что мужа отведу, а потом приду. Шли, шли и вышли почти на край станции. Идти дальше некуда. Зашли в первый же двор и постучались в хату. Вышел старик. Я к нему:

— Дедушка, укрой нас, спаси!..

Он постоял перед нами, поглядел на нас и говорит:

— Трое сыновей моих в большевиках, с вашими воюют... да жалко мне вас, молодые вы, идите за мной.

Повел он нас через двор и привел в маленькую пустую землянушку с большой печкой. „Лезьте — говорит — на печь и сидите там тихо, если приедут сыновья, попрошу их, чтобы спасли вас“.

Запер он дверь и ушел. Мы и залегли на печке, заслонившись сухой коровьей кожей, лежавшей тут, от света. Ждем. Губы сами собой шепчут — призывают помощь Богов. Где-то стали бухать пушки, трещать пулемет. Наконец стало вечереть. Никто к нам в замлянку за целый день не заглянул. Только перед самым вечером кто-то вошел, разуमुничился, бросил винтовку на нашу кожу и тут же сел по надобности. Удивительное дело: дрожу от страха, что вот-вот нас откроет и — гибель, а когда он, вставая, шумно испустил воздух, то я едва-едва удержалась, чтобы не захохотать. Наконец, он ушел, нас так и не заметил под кожей.

Уже в потемках пришел старик, принес кусок черствого хлеба, восьмушку сала и сказал, что красные уже расположились в станции, громят, сыновей его нет, и что к нему никого не поставили. „Полежите до утра, а утром поведу вас к начальнику и заступлюсь, чтобы не стреляли вас“, — закончил он и ушел.

И потянулась длинная, темная, жуткая ночь. Выстрелы по станции не переставали всю ночь. Только к утру все стихло. Только что рассвело, пришел старик и говорит: „Красные ушли, никаких войск нет, может быть ваши придут“. Опять дал хлеба и сала. И удивительное дело: то бывало ни курятина, ни хорошее кислое молоко, ни сливочное масло, ни яйца всмятку не переваривал желудок, все капризничал, а тут твердый хлеб и сырое сало так идет, что будто „аршан“*).

Через час — два пришел старик и говорит: „Ну, вылазьте, ваши пришли“. Плохо веря, мы вышли, а в это время в'езжает во двор конный казак и так участливо спросил:

— Ну, как, остались живы, ничего вам не сделали проклятые?

Кинулась я к нему, схватила за гриву его коня и на весь двор зарыдала. Такой радости я никогда не испытывала.

Оставив мужа у нашего спасителя, подарив ему мужнину шубу, пообещав пригнать корову с телком, сама пошла посмотреть на вчерашнюю возилку. Нашла

*) Божий нектарь.

скоро. Быков уже не было. Вокруг возилки валялись разбитые сундуки, там и здесь лежали халаты калмычки, шапочка; и вдруг вскрикнула я от страха: под возилкой лежали голые, как поросята вчерашние дети с раздробленными головами и выпущенными кишками.

Бросилась я от них и побежала в сторону. Встречается женщина одна и говорит: „Иди, односумка, на соборную площадь, там ваших проклятые большевики много поубивали и еще не прибрали, может и твои кто там“. Пошла туда. Дрожу вся. Пришла на площадь: стоят без коней и быков много-много подвод, везде пораскиданы калмыцкие сундуки, всякая одежда, а между подводами, то в одиночку, то целыми группами лежат раздетые трупы убитых мужчин, женщин и детей. У од-

ного вытек мозг, у другого выпущены внутренности, везде кровь и кровь и кровь... Между ними бродят голодные собаки... Затошило меня, залихорадило и побежала я прочь...

Вдруг слышу я какой-то голос. Повернулась и вижу: сидит у своей будки на возилке молодая калмычка, качает окровавленного мертвого ребенка, а сама, вся вымазанная в грязи, простоволосая, без шапки и блаженно улыбаясь на небо, тихонько поет калмыцкую колыбельную песенку. На меня и не посмотрела...

Начинало морозить, сверху порошило снежком, замерзающая земля начинала сковывать мертвые тела...

Долго и часто снилась мне потом эта картина и до сих пор, как вспомню, дрожь берет...

Ив. Томаревский. (Болгария).

ВЕРА.

Лишили нас всего злодеи:
Свободы, Родины, змеи,
Коня, оружия, но — все ж —
Лишить нас чести не могли.
Ушли за грани мы родные
С надеждой, верою в сердцах,
Что вновь Казачество воскреснет
В своих возлюбленных краях;
Что вновь не только возвратимся
Закинуть в Дон родимый сеть,
Но вместе с Доном — домом будем
И волю старую иметь.

С. Савицкий. (Бразилия).

* *
*

...Довго мучились в неволі,
Довго ворог панував.
І нарешті крик: Нам волі!
Нашу волю ворог вкрав!
Схаменулися орлята
І ударили, мов грім.
— Гей, тікай же враже-кате,
Не руйнуй козацький дім!
... То не вітер в полі віє —
Степом гонить будяки, —
То козацтво буревієм
Пре ворожі полки.

В. С. (Польша).

Завещание.

... Сегодня воскресенье. По литургии, я вышел на главную улицу города N, мало мне знакомого и сильно был удивлен, услышавши свою фамилию.

Оборачиваюсь и узнаю в польском военном враче старого знакомого доктора З., еще из Ростова.

— Скажите, ведь вы казак? —

— Да, казак, отвечаю.

— Донской?

— Чистокровнейший.

— Вот хорошо, что вас встретил, поспешно начал доктор, — идемте в госпиталь, там умирает ваш донец и наверное будет ему приятно увидеть своего.

Майор по дороге успел мне передать подробности об умирающем. Служил он на железной дороге сцепщиком и четыре дня тому назад по неосторожности, попал между буферами маневрирующего поезда, которые поломали ему грудную клетку; несчастный доживает последние минуты.

— Да! удивительные вы люди, казаки, — начал доктор, — сколько у вас силы, терпеливости и беззаветной любви к своему Дону. В госпитале все удивляются мужеству, с каким бедный переносит мучения и как он жалеет, что уже не сможет больше воевать и больше всего, что не увидит свой вольный, родимый, истерзанный Дон...

Наконец, мы вошли в госпиталь. Доктор привел меня в большую, светлую палату и остановился около последней койки.

— Вот я привел к вам вашего донца, — обратился майор к умирающему.

Приближаюсь ближе к кровати, присматриваюсь и узнаю урядника П. Боже! как он изменился. Были мы с Василием Наумычем вместе от 1915 года в 7 Донском полку. Припомнились мне 15, 16, 17-ый годы, революция, Жмеринка, Новочеркасск, Кривянка, Степной поход и везде урядник П. был со мной. Умирающий узнал меня.

— Да никак это вы, г-н есаул? — Накажит Бог,

это вы! — и по исхудалым, бледным щекам П. потекли слезы.

— Не волнуйся, голубчик Василий Наумыч, все поправится, не робей; Бог не без милости, казак не без счастья, — принялся было я беднягу утешать. Большой как будто успокоился и встревоженно начал что-то искать.

— Дайте руку, г-н есаул, — произнес он слабеющим голосом.

Взял мою руку, сильно ее сжал и уже не выпускал ее из своих горячих ладоней. Долго смотрел мне просто в глаза потухающим взором и, тяжело вздохнувши сплюсненной грудью, прошептал:

— Умирать то не страшно, да только жаль, что не увижу Дона — вольным!

Мы с майором успокаивали его: — не тужи брат, даст Господь, еще вернемся домой, увидим своих близких...

— Эх, г-н есаул, кажись я то уже не вернусь...

Лихорадочный блеск в глазах П. начал потухать, а доктор шепнул мне на ухо — скоро успокоится.

Василий Наумыч даже немного приподнялся, сильнее сжал мою руку и, едва слышно, запекшимися губами произнес: Г-н есаул, присягните, что по моей смерти меня не забудете, — ведь я в земле, да еще чужой, буду сам. И в случае вы начнете собираться в поход и труба заиграет седловку, не забудете прийти на мою могилу и хорошенько прислушаться, может быть и я на звук призывной трубы зашевелюсь. Тогда отройте меня и пойду я с вами на освобождение родных хуторов... Не оставьте здесь меня самого...

Я не мог удержаться и громко разрыдался, а майор поспешно выбежал из палаты.

— Присягаю тебе, дорогой Василий Наумыч, что все исполню!

П., видно, услышал мои слова, улыбнулся, лицо его успокоилось, сжатие ладоней ослабло и, глубоко вздох-

нувши, выпустил душу свою, вольную, благородную, к Престолу Всевышнего, донской казак Василий Наумыч П.

Глаза я ему прикрыл, поцеловал, перекрестил и, как пьяный, вышел из госпиталя...

На скромных похоронах П. нас, казаков, было только трое; купили мы хороший венок и украсили его широкими лентами, нашими родными: сине-желто-алыми.

Был также еще один венок из живых цветов. Потом я узнал, что тот другой венок был от майора.

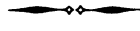
Доброго доктора встретил я на кладбище, горсть земли и он за нами бросил на опущенный в могилу гроб.

Когда мы выходили из кладбища, майор взял меня под руку и отвел в сторону; глаза его блестели и он казался каким то странным.

— Вы поклялись ему прийти сюда, в случае сбора в поход, обещайте же, что на обратном пути зайдете и ко мне...

Майор отковырял и мы, горячо пожалвши друг другу руки, — расстались.

И долг свой, дорогой Василий Наумыч, я исполню, не оставлю тебя здесь, — пускай как можно меньше будет глухих рядов среди истинно вольных казаков в освобождающем наши земли походе...

Я. Рудик. (Прага).

* * *

Осінні дні соняшні йшли за собою;
З блакиті проміння летіло стрілою;
Повітря кришталне дзвіночком тремтіло;
І „бабине літо“ усюди біліло.

Кругом очерети, — як свічі воскові, —
Прощання шептали своєму листкові.
Над ними лиш верби корони здіймали;
І зграї пташині в ірій поспішали.

Гадюкою вилася річка в обривах;
Та іскрилась фарбами хвиля пустлива.
На березі хати юрбою стояли,
Неначе в дорогу когось провозжали.

В дитинстві там бавивсь колись з діворою;
І з братом „розбійників“ брали порою, —
Галину збирались вони полонити;
Рабиню хотіли із неї зробити...

Матуся частенько угледівши доню, —
За рученьку брала, давала їй „моню“.
І звала орлами, і ясно всміхалась,
І пестила „лицарів“, й ними пишалась.

„О, любі синочки! ви дбайте про Галю;
Не дайте пролитися сльозам-кришталю, —
Як станете жити на світі самими,
Без мене і тати між людьми чужими“.

І вдерлись розбійники люті у хату;
Украли всі скарби... розбили лямпладу.
Рабиною Галю вони вже зробили,
Хоч крові багато за неї пролили.

І Галю спіткало так лихо прокляте,
Хоч довго змагалось серце завзяте.
Марніють в залізі вже білі руки;
І личенько ніжне чорніє від муки.

Чому-ж я не кинусь на ката-злодія?
Хіба-ж уже вмерла рожева надія,
Що левами будемо битися знову,
Що сонце злеліє ще квітку майову?

Гей, крила могутні в орла виростають;
Братів вже до лави ватаги збирають.
І час перестати нам плакати невтішно,
А в мріях її поцілуємо ніжно!

В день годовщины.

Три года тому назад вышел первый номер „В. К.". Вышел в свет журнал, на страницах которого казаки самостийники поставили Казачий Вопрос снова на очередь дня, поставили так широко и так глубоко, как только можно его поставить в трудных условиях эмиграции. И не только поставили. На этих же страницах мы даем и решение этого вопроса — даем казачью программу решения Казачьего Вопроса. Мы верим, что скоро наступит время, когда Казачеству придется решать свой вопрос во всем его объеме и в действительности, осуществлять и на практике сегодняшние свои идеальные стремления. Готово ли Казачество к тому? Знает ли оно, что оно будет делать завтра, если завтра пробьет двенадцатый час его сегодняшних порабитителей?

— Должно знать, должно быть готово, — так три года уже говорит Казачеству „В. К.". Казачество стоит сейчас на грани наиболее опасного, наиболее ответственного своего исторического рубежа, какой когда либо

история ему ставила. От того, как перешагнет Казачество этот рубеж, будет зависеть вся его будущая историческая судьба. Чувствуешь ли это Ты, Казачество? — „В. К.“ повстало затем, чтобы сделать все для того, чтобы за нынешним историческим рубежом Казачество нашло свое счастливое историческое будущее. — Хочешь ли Ты этого, Казачество? — Мы знаем, что хочешь, ибо Ты хочешь жить. Хочешь — и будешь жить.

Мы живем в замечательное историческое время. Волею судеб нам суждено было стать свидетелями, а многим из нас и участниками, великих мировых событий — Великой (Мировой!) войны колоссальных политических и социальных переворотов, упадка некогда великих государств-империй, восстановления и возникновения новых государств и возрождения целого ряда „неисторических“ народов.

Поистине надо уметь глубоко вдуматься во все эти происходящие у нас на глазах события,

чтобы верно понять и оценить их, чтобы уразуметь течение настоящего исторического процесса, почувствовать, как говорят, „знамение времени“, ориентировать себя во всем совершающемся и не только применить направление своих собственных политических мыслей, чувств и воли соответственно требованиям исторического момента, но и внести в ход его и свою долю понимания и активного участия в интересах своего народа.

Тревожная неуверенность, а то и просто растерянность, разочарованность, сомнения, даже отчаяние у многих, как отдельных лиц, так и целых людских групп в наше время, в сущности, и появляется часто от неумения разобраться среди массы современных жизненных явлений и нагроможденного хаоса различных, часто противоречивых идей. Неясность мысли или неосуществимые мечтания, поддерживаемые иногда сожалением о сокрушенном прошлом и бессмысленным желанием повернуть течение жизни вспять, делают некоторых бессильными суметь выделить наиболее значительные факты и вывести из них ту основную реальную линию совершающихся исторических процессов, по которой стремится современная жизнь. История, ведь, часто жестоко наказывает не только лиц, но иногда и целые народы, которые вольно или невольно грешат против ее законов или пренебрегают ее указаниями.

Что же можно было бы признать главным, наиболее заметным, ясным „знамением“ переживаемого нами времени? по каким наиболее верным признакам можно определить общую историческую характеристику переживаемой нами эпохи?

Для правильного ответа на эти вопросы необходимо обратить серьезное внимание на те явления в жизни народов, которые возникли в результате и после Мировой войны, этой мировой „встряски“ государств, народов и классов.

Что же мы видим после войны? Какое наиболее общее состояние умов определяет „генеральную“ линию стремлений человечества после страшных военных потрясений? Какие идеи волнуют народы, затронутые в той или иной мере последней Великой войной? Ответ на эти вопросы дает внимательное и вдумчивое рассмотрение самых последствий той войной, тех политических и социальных изменений, правильное сказать революций среди человечества, которые были ею вызваны.

Главнейшие же явления повоенной жизни в Европе (да и в других частях света) характеризуются как явления, идущие по линии исполнения трех наиболее заметных принципов. Это: общее усиление принципа демократизма (республиканизма!), освобождение социальное и, что для нас особенно интересно, освобождение национальное — расцвет принципа самоопределения народов.

Действительно, во исполнение этих исторических принципов, в повоенное время мы стали свидетелями таких явлений и событий, как крушение династических империй — российской, австро-венгерской и германской; в государствах же, сохранивших династии, права и влияние демократических институтов расширены; все нововосстановленные и возникшие вновь государства приняли у себя демократические, республиканские формы государственного управления. Австро-Венгрия перестала существовать вообще. Россия переживает величайшую в мире политическую, социальную и национальную революцию. На их месте возродились новые национальные государства: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия; повстали, хотя и потеряли временно снова свою независимость: Украина, Белоруссия, Кавказские Республики, Грузия, Азербейджан, Армения. Усилились, вследствие распада двух империй, за счет присоединения территорий с одноплеменным населением Румыния и Сербия — ныне Югославия. В общем, политическая карта Европы была перекроена совершенно по новому и несомненно в пользу возрожденных к новой государственной жизни народов.

Таким образом, самые замечательные политические результаты последней мировой военной бури выразились, главным образом, в образовании совершенно новых государственных организмов и в возрождении к самостоятельной жизни многих народов. Исторический процесс последнего времени развивается, как видим, по линии освобождения человечества и освобождение национальное является безусловно наиболее ярким признаком этого процесса. Вполне правильно, поэтому, можно определить общую характеристику переживаемых нами событий, определить то „знамение времени“, которое всегда довлеет в исполняющихся исторических процессах, как время освобождения народов, огосударствления наций.

Всякому ясно, что такое сложное явление

Глава Первая Конституции В. В. Д.

1. Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства.

2. Верховная и законодательная власть в пределах Войска Донского принадлежит Войсковому Кругу.

3. Высшая исполнительная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Войсковому Атаману.

4. Судебная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Судебным Установлениям и лицам, осуществляющим ее именем закона.

в сознании и политической жизни человечества не могло возникнуть вдруг. И мы действительно видим, что национальные освободительные движения среди народов Европы характеризуют уже прошлый XIX век. Ход европейской истории в XIX веке определенно наметился по этой „тенденциозной“ линии и ясно обозначил дальнейшее направление и развитие этой линии, ибо в следующем, XX веке, общий исторический освободительный процесс быстро усиливается и осуществляется.

Национальное самосознание решительно и непреодолимо захватывает более и более широкий круг народов. Одни из них раньше достигают своего освобождения и создания собственных независимых государств, другие — позже, но исторический путь развития и прогресса для всех их начертан одинаково. Наше время еще раз подчеркнуло, что только этим путем идет современное человечество к усовершенствованию общественных и государственных форм в своем развитии.

В последнее время, свидетелями которого суждено быть и нам, сознание исторического принципа освобождения народов, как современной исторической задачи, докатилось уже и до границ России, державшей под своей властью многие и многие народы. Революция 1917 года, естественно, дала могучий толчок всем этим народам к проявлению ими своей собственной воли. И действительно, в 1917 и последующие годы все народы б. Р. И. проявили свою настойчивую волю к самоопределению. Народам по западной границе б. Р. удалось сохранить свою государственность. Народы же юга и востока б. Империи, задавленные нашествием русских большевистских армий, не смогли удержать за собою добытую ими свободу. Но, несомненно, временное торжество сегодняшних победителей не в силах сломить у поработанных ими народов воли к освобождению. Упорная кровавая и жертвенная борьба этих народов за свои естественные человеческие и национальные права, их глубокая вера в новое освобождение, а к тому — лихорадочная деятельность и подготовка к борьбе грядущей — свидетельствуют не о сломленности и понижении их воли, а, наоборот, о необыкновенной ее концентрации и напряжении.

Итак, наша эпоха, наше историческое время — это эпоха и время освобождения народов и осуществления ими своего государственного суверенитета. Под этим „знаменем времени“ совершается развитие современного исторического процесса и социологического прогресса человечества. Не чувствуют, не понимают этого лишь те (как из отдельных людей, так и из народов), которые ослеплены своими собственными, чисто эгоистическими интересами сегодняшнего дня и не способны вообще быть чувствительными к совершающимся вокруг них событиям. Умышленное затушевывание или отрицание этого „знаменья времени“ служит ясным выражением прикрытого желания у господствующего народа удержать за собою, продлить

власть над поработанными народами. Но, законы жизни — непобедимы и бескомпромиссны; исторический ход их неотвратим; остановить или изменить их человеческая воля так же бессильна, как бессильна остановить или изменить вспять ход времени. Закон должен быть исполнен. Исторический процесс — совершен. Национально освободившие себя народы должны быть и будут рано или поздно освобождены и огосударствлены.

Выходя из такого, единственно правильного понимания этого общего, совершающегося на наших глазах процесса, необходимо и Казачеству задуматься о своей судьбе и определить свое место в системе совершающихся событий, найти свое место в историческом процессе, ибо, чем скорее совершится уразумение и полное осознание Казачеством своих собственных жизненных задач, тем лучше для него же.

Со всей решительностью в последнее время вопрос о судьбе Казачества поставила российская революция; вернее — само Казачество во время революции выдвинуло этот вопрос, как основной и долженствующий определить дальнейшее его историческое бытие. Когда, вследствие революции и уничтожения царской власти, Российская Империя развалилась, пробудилось от долгого, более чем двухсотлетнего сна и Казачество. Решение вопроса о своем собственном „быть или не быть“, о своей дальнейшей судьбе и об избрании верного пути к достижению своих собственных целей — явилось для Казачества, во время необыкновенных политических потрясений, крайней необходимостью, диктовавшейся и временем и обстоятельствами, сложившимися на Востоке Европы.

Целый ряд народов во время революции отделился от России и провозгласил свою государственную независимость. Российское Временное Правительство, а затем и советское настойчиво продолжает политику порабощения народов и вооруженной силой вновь загнало некоторых из них за стены „тюрмы народов“.

Перед Казачеством уже в самом начале революции во всей широте стал вопрос — по какому пути идти? Здоровый, живой дух свободы и инстинкт самосохранения, как и взрная оценка своих интересов подсказывали Казачеству путь самоопределения.

Ясно, что все казачье движение, получившее толчок во время российской революции, вызвано было как казачьим сознанием, так и логическим ходом развивающихся исторических событий как во время самой революции, так и после нее. Казачество, как и всякий живой организм, чувствующий или сознающий опасность уничтожения, со всеми своими возможными силами ринулось в борьбу, дабы охранить свое право, свою мысль, свое чувство и волю от чужих посягательств. Правда, внешние обстоятельства не совсем благоприятствовали этой борьбе и вследствие этого Казачество понесло на первый раз поражение. Замешательство, внесенное на первых порах в казачьи ряды

русским революционным обманом, и случайное, не связанное органически с Казачеством концентрирование белого движения на Казачьих Землях сильно затруднили Казачеству борьбу за свой порог и угол. Наплыв и нагромождение чужих, посторонних влияний и идей, а то и просто внешнее давление чужих волей, пересекавшихся на Казачьих Землях, помешали всему Казачеству в целом ясно осознать свою собственную идею освобождения и проявить свою собственную сконцентрированную волю к ее реализации.

Вследствие всего этого, воля и сопротивление Казачества были сломлены. Борьба, ведшаяся разбросанными силами, не объединенными одной идеей всеказачьего освобождения; борьба, ведшаяся под разными, иногда навязанными, часто совершенно чужими Казачеству лозунгами, а не под единственным собственным лозунгом единения и освобождения Казачества — естественно должна была быть проиграна.

В результате проигранной борьбы на Казачьи Земли навалилось наигоршее из всех — большевикско-коммунистическое порабощение. На родных своих полях, политых кровью и потом многих поколений, Казачество не является ныне хозяином положения, там царствует чужая, беспощадная, оккупационная власть, а само Казачество уничтожается, на его место приходит чужое, русское население: Казачьи Земли колонизируются... Та же часть Казачества, которая активно участвовала в борьбе, принуждена ныне влачить свое существование в изгнании, на чужбине. Вот результат наших несогласий и политического разнобоя среди Казачества в недалеком прошлом.

Уже одно явное сознание некоторых своих прошлых ошибок или „ошибок“ некоторых своих вождей, зараженных все еще российским единонеделимством, способно внушить Казачеству естественную мысль о том, что вся судьба его, все его будущее зависит единственно от него самого, от его разумной и верной оценки своих собственных интересов, от чувства теснейшего, кровного единения всего Казачества (понимаем под этим все население Казачьих Земель, за исключением „колонистов“ и пришельцев революционно-большевицкого времени) и от сильной, сконцентрированной в одном стремлении воли.

Никакое „применение к местности“ под чу-

жую диктовку, никакое исповедание чужого „верую“, никакое увлечение чужими идеалами, никакое пролитие крови в рядах чужих бойцов и за чужие интересы, — словом, никакие самые искренние и большие жертвы на чужой алтарь Казачества, не спасут. Вся кровь, мозг и сила Казачества, отданные чужим богам, напрасны, бессмысленны и ненужны. Таков закон жизни: кто не постоит за себя сам, за того никто не постоит; кто не называет себя собственным именем сам, того чужие тоже по правде не называют.

Спасение Казачества, его культурное и политическое развитие, его национальное возрождение, словом, вся его историческая жизнь в дальнейшем должна зависеть от самого Казачества, иначе — гибель ему. Наше время — время освобождения народов; время упорной, жертвенной борьбы народов за свою свободу и место под солнцем; время суровое и беспощадное. Какой из народов не сознает своего национального „я“; кто не умеет пользоваться своей силой; кто отказывается сам от всех своих прав и борьбы; кто не способен чувствовать врага и легко может быть введен им в заблуждение; кто, наконец, обладает мягким, сентиментальным характером, ведущим к вредным для него компромиссам, и не способен проявить твердую, настойчивую волю, — такой народ обречен и наперед осужден на политическую смерть. Отказывающийся от борьбы за свое национальное лицо народ сам изрекает над собой осуждающий приговор истории — он будет уничтожен, имя его исчезнет и забудется; на его трупе встанет торжествующий победитель; разложившиеся его соки будут питать чужую жизнь, а его разрушенная самобытная культура послужит лишь удобрением для роста культуры чужой.

Может ли, хочет ли по такому пути самоуничтожения идти Казачество? Ответ, мы уверены, для всех казаков, создающих и чувствующих себя действительно казаками, может быть лишь один — ясный и решительный: Казачество не хочет самоуничтожаться; Казачество хочет жить и за свое право жить по своему готово на борьбу. Исходя из этого единственного, естественного и вполне понятного ответа, все Казачество должно стать под одни свои знамена и все свои силы и способности отдать для достижения своей цели.

А если так, если вся историческая судьба

Из Кубанской Конституции.

Раздел III. Источник и органы Высшей Власти.

9. Источником Высшей Власти в Кубанском Крае является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях.

Носителями Законодательной Власти в Кубанском Крае являются Краевая и Законодательная Рады, а носителями исполнительной власти — Войсковой Атаман и Кубанское Краевое Правительство.

Судебная власть осуществляется независимыми судами, действующими на основаниях, в законе определенных. Судебные решения и приговоры выносятся именем закона.

Казачества зависит от него самого; если лишь оно само может быть источником и средством своего политического, культурного и экономического возрождения и развития, то для него единственная форма, в которой может вылиться полная независимая Воля Казачества к осуществлению своих идеалов возможна лишь — наивысшая социологическая форма современного человеческого общежития — форма суверенной государственности. Лишь владение собственным государством и техническим государственным аппаратом может дать Казачеству полную возможность высказывать свою волю по всем собственным жизненным вопросам и обеспечить ему практическое решение и осуществление их. Не создав своей государственности, Казачество тем самым обрекается еще на продолжительный период упорной, затяжной борьбы за свою самобытность, за сохранение себя от различных, враждебных ему опытов и экспериментов, которые будут диктоваться и проводиться на его землях чужой волей.

История нас учит, что всякий народ, как бы высоко не было развито его национальное сознание и чувство, но если воля его сломлена и неспособна к борьбе за свою государственность, — такой народ еще не бывает свободным. Только с достижением государственности приобретает наивысшая форма национальной свободы. Потому то и понятна у каждого народа, стремящегося к своему возрождению, такая непреодолимая жажда своего собственного огосударствления, как последней цели освобождения.

Действительно, лишь государственный су-

веренитет для каждого народа является последним пунктом его освободительных стремлений и вместе — первым этапом, с которого начинается его подлинное национальное развитие. Через национальное сознание и чувство — к проявлению воли к государственности; через государственность — к полному расцвету сил и способностей нации. Таков путь „исторических“ народов. По этому пути должно идти и Казачество, если оно способно и хочет жить.

Итак, Казачество все свои силы должно сосредоточить на создании своего собственного независимого государства — Казакии. Казакия, как самостоятельное, независимое, суверенное государство всех Войск Европейского Казачества есть единственный залог полного сохранения Казачества, его благополучия и всемерного развития. И единственно Казакия должна быть наивысшим политическим идеалом каждого казака, кому не чужда судьба его народа и стремление к его лучшему будущему.

И несомненно, что основную и инициативную роль в деле духовного возрождения, политического освобождения и самоутверждения в государственности — в строительстве Казачьего Государства — должны взять на себя казаки, как наиболее сплоченный, исторически самобытно законченный и сознательный коллектив на территории Казачьих Земель.

Вступая в четвертый год своего существования, „В. К.“ еще выше поднимет развернутое 10 декабря 1927 года знамя возрождения и освобождения Казачества, знамя будущей Казакии.

Вл. Куртин.

10 декабря 1927 года — историческая дата.

Жизнь целого народа, как и жизнь отдельного человека, то течет мирно, однообразно, „изо дня в день“, когда „сегодня“ — такое-же как было „вчера“, а „завтра“ — будет такое-же, какое есть „сегодня“; то вдруг выплескивается из своего обычного русла, стремительно бросается из стороны в сторону, ищет новое направление своему течению, новое содержимое для своего русла.

Первая, не связавшаяся ни с какими определенными датами, расплывается в неясное, бесцветное „прошлое время“, в котором ступевались не только дни, но и годы; вторая — надолго остается в памяти отдельного человека, или целого народа ярко, отчетливо, как будто оно было „только вчера“.

Вот почему все участники мировой войны чрезвычайно точно помнят первые дни войны и события даже с мельчайшими подробностями и местность, на которой разыгрывались события тех дней. Позднейшие события уже как-то сбиваются в бесформенную „вне времени и пространства“ массу, из которой лишь чрезвычайным напряжением памяти удаётся выделить то или другое определенное явление, ту или другую определенную дату.

В народной памяти южных славян (сербов), вываленной в их бесподобном эпосе, ярко, незабываемо стоит день 15 (28) июня 1389 года. День несчастной битвы с турками на Косовом Поле. Психологический эффект, вызванный той катастрофой, был настолько силен, что и поныне в народной памяти он жив, как будто дело происходило „только вчера“.

Живо настроение, которое было тогда (после битвы) в осиротевших сербских домах, и которое можно выразить в трех словах: не поддадимся, отомстим, освободимся...

После боя потянулись дни рабства: „сегодня“, как „вчера“, а „завтра“ такое-же как „сегодня“... Обескровленный сербский народ не выделял ни дни, ни годы, ни даже столетия. И сам Кральевич Марко, величайший сербский национальный юнак, живет — вне времени.

Проходили столетия, а Видов День (15/28 июня) жил, как будто он был „вчера“. Проходили столетия, а настроение бесправной сербской „райи“ оставалось все то же: не поддадимся, отомстим, освободимся. Как будто это не 10-я или 15-я генерация участников боя на Косовом Поле, а сыновья и дочери Косовских героев.

Восстание великого Карагеоргия в 1804 году, Балканская война 1912 г. — для сербских народных масс события непосредственно связанные по времени со „вчерашним“ Видовым Днем.

Разбив турецкую армию под Кумановым и ступив на священное Косово Поле, современный сербский воин, по свидетельству офицеров, перемахнул все столетия, отделяющие его от боя на этом Косовом Поле...

Так сильно врезался в народную память „Видов-Дан“ — 15 июня, который ныне здесь празднуется как всенародный югославянский праздник.

Есть ли у Кубанских казаков такой день?.. День, который-бы значил начало новой эры?

Психологическая встряска, исключаящая возмож-

ность возвращения к старому?.. Как у сербов после 15/28 июня 1389 года была исключена возможность возвращения старого, до Косовского разбоя?..

В до эмигрантской жизни Кубанского Казачества такой день, без сомнения, день величайшего позора Вольного Казачества, — день мученической смерти народного трибуна — Алексея Кулабухова:

20 (7-го) ноября.

Психологический эффект этого злодеяния достаточно известен. 20 ноября — та роковая грань на пути „к Москве“, которую Кубанское Казачество не могло перешагнуть. И не перешагнуло.

Река выплеснулась из искусственно воздвигнутых насыпей в Московском направлении и полилась по линии наименьшего сопротивления:

— На Кубань: за Кубань!

С настроением: Сохрани нас, Боже, от России Красной; избави нас, Боже, от России Белой..

Что и физически не смогли отстоять свое (слишком далеко зарвались) — дела не меняет. Ибо факт психологического поворота на свое и за свое тут — на лицо.

С тем настроением ушли и в эмиграцию: не как побежденная армия, не как сословие или класс, но как организованный суверенный народ со всеми, присутствующими суверенитету признаками. И, разбредясь по всему свету, это свое настроение не утратили. И равнодействующая всех кубанских устремлений (даже и тех — из обще-воинского союза) оставалась все та же:

— На Кубань: за Кубань!

Не было только того инструмента, на котором каждый казак мог-бы совершенно свободно выжить свое настроение, свои думы.

В первые дни „беженского“ существования Кубанских казаков родилась атаманская „Вольная Кубань“. Но в силу известного: — „Положение обязывает“, „Вольная Кубань“ говорит, не договаривая, подчеркивает „і“, не ставя точку над „і“.

Да и сам официально-информационный тон атаманского органа не совсем подходит для выражения романтико-политических настроений кубанских бандуристов..

Годы эмиграции проходили в думках и в думовых же выводах из недавнего опыта орошения казачьей кровью необятных полей России в ущерб и гибель своих Кубанских степей.

Голоса-же казачьего слышно не было.

И на политической бирже молчаливое Казачество котировалось как все тот-же лимон 17-19 гг., выжимать который всегда имело довольно охочих рук.

10 декабря 1927 г. вторая знаменательная дата в новейшей истории Кубанского и вообще все го Казачества.

После 20 ноября 19 года казаки увидели „противоестественность и бессмысленность своей впряжки с „общерусскими“ силами и, отказав поводу, повернули на Кубань, но внешне все оставалось по старому. Казаки оставались „частью вооруженных сил юга России“, хотя и отбив категорически „Безоговорочность“.

10 декабря 1927 г. есть день, значащий переход от дум к слову. В этот день Казачество заговорило. Не чего оно не хочет, но что хочет. Для достижения чего оно будет бороться. И — с кем.

До 10 декабря Казачество трактовалось как средство для достижения целей, часто ничего общего с целями самого Казачества не имеющих. 10 декабря Казачество само поставило себе цель. И наметило путь, которым идет для достижения этой цели.

Вольных казаков, ясно и определено высказавших свое „верую“, назвали „самостийниками“, трудясь показать этим, что есть казаки „не самостийники“. Это не правда. — Последние (не самостийники), за немногим исключением, отличаются от первых только тем, что у них их самостийность пребывает, так сказать, в скрытом состоянии.

Вот в том то и есть великое значение 10 декабря 1927 г., дня выхода в свет журнала „В. К.“, что он вызвал на поверхность глубоко скрытые казачьи думы, что точно и ясно определил положение и место Казачества среди народов б. России, создавшееся решениями Войсковых Круга и Рады и напомнил, что решения эти обязаны в а ю т всех казаков — быть верными их творцам, своему В. Кругу, своей Раде.

10 декабря — неопровержимое свидетельство, что Казачество, в крови и пламени строя свои „государственные образования“, не в детские хатки игралось с тем, чтобы, поигравшись „временно“, опять их разрушать до основания. А что если раз созданное государственное образование разрушено другими, — святая обязанность каждого казака работать над восстановлением своих государств-республик.

10 декабря если еще и не поход на Кубань-Дон, то стягивание казачьих сил с чужих путей безусловно. Достаточно просмотреть имена казаков за эти три года высказавших на страницах „В. К.“ свои мысли, боли, желания, чтобы увидеть, что самостийность казачья не „продукт нескольких бесшабашных голов“, а ясно осознанная идея-водительница, помогающая казакам построить стройные „государственные образования“ в то время, когда кругом все рушилось. Не изжитая в изгнании, а, наоборот, окрепшая от критического разбора и оценки факторов, доведших до изгнания.

Уже в первую годовщину „В. К.“ редактор имел достаточно основания заявить: „Мы не создаем ничего нового. Мы только формулируем те настроения и те убеждения, какие существуют в казачьей массе“.

Третья годовщина утвердила бесспорно, что селятели вышли на свой чернозем. И что хотя еще разбросанные по всему свету физически, — духовно, идейно казаки ныне единое целое. А Казачество сила, с которой на „второй день“ должны будут считаться. —

Если же и есть еще „неопределившиеся“, то это лишь до первого призыва — осуществлять цели, поставленные В.К. 10 декабря 1927 года. Ибо ныне уже каждый казак согласен с тем, что — „Казачьи Земли и Казачество сами по себе являются настолько прекрасными и высокими целями, чтобы все силы наши и все наши способности посвятить Им, Их благополучию“.

И как „не было“ самостийных Вольных Казаков до появления свободного казачьего органа, так „нет“ соратников и соратников Вольных Казаков до — появления точек приложения их сил.

Главное, что Казачество вошло в свое русло. И знает в каком направлении должно идти.

Главное, что казачья эмиграция стяхнула с себя смерти подобное ничегонеделание, что не убаюкивает себя иллюзиями о дешевой „реставрации“ Казачества „просвещенными, заботливыми начальниками“ по манифестам красной московской или черной петербургской единонеделимой.

Свое дело нужно делать сам им. С этим „В.К.“ выступило 10 декабря 1927 г. Третья годовщина свидетельствует, что у казаков имеется довольно сил, чтобы и сделать свое дело самим. А вера в себя — выполненная первая половина задачи, поставленной Вольными Казаками 10 декабря 1927 года.

„Второй день“ близок. Тем интесивнее нужно работать по консолидации казачьих сил. Ибо в четвертом году Казачеству придется приступить к решению второй половины задачи.

„В истории каждого народа приходят времена великих жертв и героических повинностей. Пришли они и к нам еще раз“.

Третья годовщина „В.К.“ стоит накануне этого „времени великих жертв и героических повинностей“. Время это не застанет казаков не подготовленными.

А в этом и есть великое значение 10 декабря 1927 года, дня выхода в свет первого номера журнала — „Вольное Казачество—Вильне Козацтво“.

Судьба Казачества — в руках самого Казачества!

Н. Нечуй-Левицкий.

К трехлетнему юбилею „Вольного Казачества“.

Было бы излишним распространяться об исключительно важном значении печатного слова в современной жизни человечества. Пресса является ныне едва ли не самым мощным фактором человеческого прогресса. Это ее язык, благодаря которому народные массы приобщаются к темпу жизни. Через прессу люди всех классов и состояний получают возможность следить за событиями, которые в противном случае остались бы для них неизвестны, или сделались бы им известны тогда, когда уже потеряли свое значение.

Нет такого уголка жизни, которого бы не затронула современная печать. Недаром ее величают шестой великой державой!

Каждое новое движение, группа или партия в первую голову, стремится овладеть собственным печатным органом. При посредстве печати проникают в народную толщу новые идеи, задачи и лозунги, она создает настроение для завтрашних событий, она определяет политическую жизнь наций, государств и даже — всего человечества. Это великолепно учли в свое время большевики и с первого же дня своего владычества поспешили упразднить в стране все печатные издания, заменив их собственными. Да и сейчас, они бы много дали, если бы могли заткнуть глотку эмигрантской печати. Свободного открытого слова они боятся, как чорт крошила. Не столько нервирует их воображаемая, вернее — инсценируемая ими же самими, опасность иностранной интервенции с ее пушками, аэропланами и удушливыми газами, как наличие за границей враждебной им эмигрантской печати, показывающей миру лицо недоброркачества коммунистического товара...

Да, современная жизнь без печатного слова это все равно, что проповедник без языка. Немой может иметь гениальную голову и в ней палату ума, но без языка-печати его знания не передадутся другим.

Наш печатный орган „Вольное Казачество“ вступает в четвертый год своего существования. Если вспомнить все те нападки, предсказания провала и скорпионы угроз, которыми сопровождалось его появление в свет, то нужно с удовлетворением отметить, что журнал выдержал испытание. Три года делает он благородное дело — не дает угаснуть казачьему самосознанию, не позволяет казачеству утратить свое казачье лицо, зовет его помнить о своем долге перед стонущей Родиной... Скромные вначале силы, разрослись, окрепли, обросли новыми последователями. Светлая сторона „Вольного Казачества“ та, что оно имело мужество говорить правду в лицо, для многих не всегда приятную, но несомненно правду... Это подкупило эмигрантскую казачью массу и недоверчивое, в лучшем случае — безразличное отношение вначале, скоро сменилось живым интересом, а потом — и открытой симпатией к молодому течению. Сейчас даже многие консервативные умы, сердце которых бьется любовью к казачеству, не отрицают полезности нашего органа.

Своим трехлетним существованием „В. К.“ само говорит за себя. Для оценки достаточно сравнить „В. К.“ с иными казачьими журналами в разных странах. Это

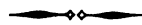
или информационного характера невзрачные брошюры, или же пытающиеся подорвать „В. К.“ издания, нежизненные, скучные, увязшие корнями в прошлом и не способные принести плодов для будущего нашей раздвоенной ныне Родины. Это — бесплодные сухие деревья, под оголенными ветвями которых собралось все косное, отсталое, изжитое. Неприглядное настоящее заставляет их искать забвение в умершем навеки прошлом. Этим, застывшим на мертвой точке умам трудно понять весьма простую и понятную истину, что жизнь не стоит на одном месте, а непрерывно эволюционирует. Что было пригодно для вчерашнего, то не годится для завтрашнего дня! Дырявые, расплывшиеся штаны как не латай, все равно придется, наконец, заменить новыми... Самая малость критического отношения — и станет ясно, как в солнечный, летний день, что старый путь служилого казачества затерялся в болоте и нужно прокладывать новый...

Заслуга „В. К.“ в том и заключается, что оно идет в ногу с жизнью, не строит себе воздушных замков на выветрившемся фундаменте прошлого, а смело прокладывает перед собой дорогу к будущему. Оно близко подошло к настроению казачьей рядовой массы и в этом причина его несомненного успеха среди изгнанников-сторонников. Мне известно много казаков, которые ждут выхода очередного № „В. К.“ как настоящего праздника. Жадно набрасываются на журнал, как голодный на хлеб, и не оторвутся до тех пор, пока не осялят его до конца. Это потому, что страницы его заполнены не архивным хламом, а непосредственной, kloкочущей борьбой за свои идеалы, жизнью. Материал, преобладающий „В. К.“ читателю, не является однообразным, сухим набором мыслей, жесткой неудобоваримой печатной сечкой. В нем отражается наболевшая душа казака с ее радостями, скорбями, надеждами и сомнениями... „В. К.“ дает пищу и уму, и сердцу читателя.

Спокойно, без боязни упрека, вступает „В. К.“ в четвертую годовщину своего существования. Оно может гордиться сделанной им среди Казачества работой, ибо она целиком была посвящена благу Родной Земли и ее обездоленных, распыленных по свету детей.

Три года тому назад опасно было даже заговаривать о „каких то там“ исторических правах Казачества без того, чтобы не встретить пренебрежительно-враждебных замечаний об „измене“. Сегодня самые махровые сторонники единой, неделимой согласны допустить, что у Казачества для своих претензий кой какие основания в глубоком прошлом есть... Сдвиг в умах, очевидно, произошел. „В. К.“ сыграло в этом не последнюю роль...

Оно и впредь будет стоять на страже казачьих интересов и счастья своей в муках корчащейся, заушаемой Родины. Пожелаем же ему от сердца в наступающем четвертом году существования полного благополучия и счастья в его нелегкой деятельности. Пусть оно станет для нас тем очагом на чужбине, вокруг которого соберутся и согреются бездомные сироты-казаки. Исполать тебе, наш орган-будильник в лютое время лихолетия!

Шамба Балинов.

Является ли Казачество народом.

Сегодня исполняется третья годовщина со дня выхода первого номера журнала „Вольное Казачество“, который начал проповедывать идею Казачьей Независимости, доказывать право Казачества на самостоятельное существование.

Столько же лет продолжается неустанная „атака“ всех противников (и русских, и казачьих) В. К., которые твердят, что Казачество не имеет права на самостоятельное существование, ибо оно — де не является

отдельным народом, нацией (по мнению многих социологов, „народ“ и „нация“ совершенно тождественные понятия), нет, мол, у него тех „признаков“, на основании которых можно установить племенную обособленность Казачества. А раз Казачество не является отдельным народом, то оно, мол, не может претендовать и на самостоятельное государственное существование, а потому — проповедь Вольного Казачества смешна и... преступна. На этом основании все они настойчиво

доказывают, что лучшая доля Казачества — быть бичом в руках русского самодержавия, русского централизма (безразлично — монархического, большевицкого или республиканско-демократического).

Не в наших силах писать трактат по такому большому и сложному вопросу, как вопрос национальный, но наше право думать и размышлять по этому большому вопросу Казачества и свои простые размышления высказывать вслух. Может быть, эти размышления явятся поводом для кого-нибудь из казачьих ученых заняться серьезным исследованием этого вопроса.

Возникают два вопроса: 1) только-ли особый народ, обладающий всеми „национальными признаками“, имеет право на независимое государственное существование? 2) Так ли уж верно утверждение, что Казачество не обладает никакими национальными „признаками“, что давало бы ему право претендовать на имя особой народности, отличной от других славянских народов?

Очевидно, на первый вопрос можно уверенно ответить отрицательно. Для образования государства не требуется наличие совершенно особого народа: один и тот же народ, разделившись, рядом может жить самостоятельной государственной жизнью. Примеры, иллюстрирующие такое положение, имеются в истории. Американцы, по происхождению, по языку и т. д. англичане, образовали великое государство и живут самостоятельно. Французы, немцы, итальянцы, в непосредственной близости с своими родными народами живущие, соединились и образовали отдельное самостоятельное Швейцарское государство. Таких примеров можно привести много. Следовательно, общее происхождение, несомненная принадлежность к одному народу не требуют обязательной жизни в границах одного государства, под одной государственной крышей.

Таким образом, „аргументы“ противников В. К., что казаки по своему происхождению русские люди (что тоже совершенно неправильно), а потому должны жить непременно в одних границах с русским народом — не являются серьезными, исторически обоснованными.

Другой вопрос — является ли Казачество особой народностью, отличной от других славянских народов?

Все противники В. К. единым хором твердят, что казаки, прежде чем говорить о своей независимости, должны доказать, что они не „верблюды“; что Казачество не имеет никаких „признаков“, свидетельствующих о его отличии от русского народа.

Так ли это? Во-первых, о самих этих „признаках“. Так ли уже бесспорно, раз навсегда, точно установленной наукой эти самые „признаки“, определяющие нацию? Не происходит ли и сейчас еще старейший бесконечный спор различных ученых об установлении этих самых „признаков“? Во-вторых, завершился ли уже исторический процесс „выявления“ наций, народов из „исторического небытия“? Можно ли так категорически утверждать (как это ныне делают противники самостийников), что, кто до сего времени не выявил себя, как особая народность („неисторические народы“), т. е. кто не создал своей истории, культуры, литературы и т. д., не может уже претендовать на имя особого народа, нации?

Ходячие „признаки“, определяющие нацию, народ: язык, религия, территория, нравы и обычаи. Кто этими „признаками“ обладает, бесспорно является особым народом, нацией. Обладает ли Казачество этими „признаками“? Есть ли в нем, если не все, то хоть часть этих „признаков“?

Из перечисленных выше пяти „признаков“ Казачество бесспорно обладает тремя последними. У него имеется общая территория, особые казачьи нравы и обычаи, что не вызывает ни у кого никакого сомнения, чего отрицать никак нельзя. Но, говорят противники самостийников, у казаков язык — русский, (но не у всех ведь!), а потому они не смеют думать об отдельном от русского народа существовании.

Является ли эта языковая „общность“ такой креп-

кой цепью, разорвать которую никто и ничто не может; является ли эта „общность“ таким бесспорным аргументом за то, чтобы все говорящие на этом языке, на все времена, независимо ни от чего, непременно жили под одной государственной крышей, в границах одного государства?

Очевидно, нет, ибо те же самые американцы, не только говорящие на одном языке с англичанами, но и во всем другом с ними во многом тождественные, прекрасно живут отдельной государственной жизнью; те же самые несомненные французы, немцы, итальянцы, говорящие каждый на своем родном языке, столь же прекрасно живут отдельной государственной жизнью.

Но нас в данном случае не интересует вопрос — имеет ли право, и может ли жить самостоятельной государственной жизнью Казачество, ибо этот вопрос для Вольного Казачества не вызывает никакого сомнения. Нас только интересует вопрос, так сказать, академического характера: насколько правы те люди, которые упорно и категорически отрицают за Казачеством право именоваться особым народом, нацией на том основании, что оно не обладает, или обладает не всеми национальными „признаками“? Насколько эти самые „признаки“ безусловны и вечны? Можно ли на основании этих ходячих „признаков“ отрицать или признавать (при том, категорически!) право на имя народа, нации за той или иной большой группой людей?

Не будем пускаться в опасный путь отрицания или утверждения, а приведем лишь некоторые выдержки из специальных трудов по этому вопросу, при чем из трудов не самостийников, а определенных антисамостийников, видных русских ученых.

Проф. П. Н. Милоков в своем труде „Национальный вопрос“ пишет, что вообще „признаки национальности все условны, и ни один из них, взятый отдельно, не необходим, чтобы охарактеризовать определенную национальность“; „все признаки национальности чрезвычайно хрупки и ни один из них не восходит далеко в историческое прошлое, не говоря уже о „доисторическом“ периоде. Все, чем привыкли определять национальность, язык, религия, территория, нравы и обычаи, все это сравнительно недавнего происхождения, все это подвижно и может отделяться друг от друга“; „родство народов никак нельзя определить тем, что они говорят родственными языками“; ... „национальность... существует только в процессе. Она не вечна и не неподвижна. Она, напротив, постоянно изменяется: складывается, разворачивается, может и разложиться“.

Другой русский ученый, проф. Б. Бицли, также отрицает ссылку на язык, как на доказательство, как на главный аргумент против самостийников, ибо „самостоятельность, особенность, отдельность каждого данного языка есть факт политики, культуры, не — филологии“, — „филологические аргументы имеют не больше весу“, точно также, как „аргументы от данных исторического прошлого, сами по себе, не имеют, не могут иметь решительно никакой силы и никакого значения в применении к историческому настоящему или историческому будущему“; ... „Грань между „языком“ и „диалектом“ весьма условна. С точки зрения морфологии языка, голландский язык — германский „диалект“. Но на этом „диалекте“ говорит и пишет народ, давно отделившийся от общегерманского массива, имеющий собственную государственность и собственную культуру“.

Австрийский ученый Отто Бауэр так представляет себе нацию: „Мы представляем себе нацию не как нечто застывшее, раз навсегда данное, а как непрерывный процесс образования; в основах же этого процесса лежат те условия, при которых люди ведут борьбу за существование и за продолжение рода“.

Следовательно, ничего твердо установленного для определения национальности нет, а есть только беспрерывный исторический процесс обра-

Брати-козаки, гуртуймося свій до свого!

зования и разложения нации, народов. Нельзя не признать правильности такого взгляда.

Все зависит от того — как сложится жизнь той или иной большой группы людей, живущих на определенной территории, или той или иной „части“ того или иного „исторического“ народа. Если эта „часть“ целого будет иметь возможность развивать все природой заложенные в ней „национальные“ качества, если будет иметь возможность развить свою „национальную“ культуру, т. е., если будет иметь возможность „национально“ — политически свободно развиваться, иметь свою государственную свободу — то эта „часть“ с течением времени может превратиться в отдельный, самостоятельный народ (как голландцы) и, наоборот, если историческая жизнь сложится для этой „части“ неблагоприятно, то в конце концов, она может утратить все свои особенности, окончательно раствориться в общем море „целого“ — не станет ни местного „диалекта“, ни местных особенностей.

Так можно ли при этом положении категорически отрицать за Казачеством право именоваться народом, нацией? Не является ли подобное утверждение продуктом специфической политики, а не объективного ученого исследования?

Историческая жизнь Казачества сложилась для него трагически. Двести с лишним лет над ним производят всевозможные эксперименты; различные „благодетели“ изгоняли из него „казачий дух“, всячески умерщвляли казачьи особенности; оно насильно было лишено возможности развить свои особенности, его местный „диалект“ стал забываться. В виду этого насильственного „рассказачивания“ Казачество не могло создавать и развивать свою культуру, литературу. В результате Казачество сейчас не имеет того „языкового“ аргумента для обоснования своих „национальных“ прав, на что так охотно ссылаются противники вольноказачьего освободительного движения.

Все же, несмотря на все эти неблагоприятные исторические условия жизни, Казачество сохранило все свои главные особенности, чувство казачьего единства, сознание своей отличности от русского народа. Оно под давлением физической силы утратило свою государственную независимость, но в нем, никогда не умирая, жила казачья душа, постоянно проявлявшая себя в казачьем сознании и в воле к самостоятельной жизни, что неопровержимо доказывается тем, что Казачество при первой же возможности в 1917 году немедленно осуществило свою волю и создало свою государственную независимость.

Если нет у Казачества „ясных“ „признаков“ национальности, то у него есть ясное желание, твердая воля сознательно творить свою национальность, достигнуть чего легче, имея свою государственную независимость, к чему теперь оно стремится. А эта последняя (воля) единственно важный „признак“ национальности, если принять во внимание определение национальности иностранным ученым (Дюркгейм): „национальность есть человеческая группа, члены которой, по основаниям этническим или просто историческим, хотя бы жить под одними и теми же законами, образовать одно государство... Среди цивилизованных наций теперь является принципом, что эта общая воля, когда она утверждается с настойчивостью, имеет право на уважение, и даже что она есть единственная прочная основа государств“.

Отвечает ли Казачество условиям этого определения национальности? Несомненно! Ибо Казачество бесспорно является „человеческой группой“ и „хочет жить под одними и теми же законами, образовать одно государство“. И это свое хотение Казачество „утверждает настойчиво“.

Как видите, по определению этого иностранного ученого, Казачество уже теперь является нацией, народом.

Если принять все это во внимание и, если подойти к вопросу о выяснении общественно-политической природы и народной сущности Казачества объективно, без предвзятого трафаретного, шаблонного „взгляда“, то можно ли будет продолжать отрицать право Казачества на самостоятельное государственное существование лишь потому, что оно не имеет, не заключает в себе всех ясно выраженных „национальных признаков“?

Можно ли будет продолжать утверждать, как это многие делают и до сего времени, что Казачество есть только сословие, при том специфическое военное, ныне изжившее свое время и подлежащее уничтожению?

Ведь поверхность и несерьезность такого „объяснения“ сути Казачества ясна уже по одному тому, что, если Казачество действительно является сословием, то внутри его самого уже никак не могло быть сословий. А у Казачества имеются свои сословия, социальные группы, отрицать чего никто не может.

У него имелась своя аристократия (старшина), к сожалению, вместо защиты казачьих прав, укрепления казачьих особенностей, часто предававшая эти интересы, способствовавшая уничтожению казачьих особенностей.

У Казачества имелась и имеется своя интеллигенция, по естественному закону долженствовавшая служить „сознательной памятью“ Казачества, создавать „специальный орган социальной памяти и наличности технических способов сохранить воспоминание в ряде поколений, не искажая их“, т. е. развивать казачью культуру, разрабатывать в неискаженном виде казачью историю, создавать казачью литературу, одним словом, укреплять и развивать казачье сознание. Но, к несчастью, вместо всего этого, занимавшаяся совершенно другим, часто делавшая дело, способствовавшее забвению казачьих особенностей, усыплявшая казачье сознание.

У Казачества имеются и другие социальные группы: земледельцы, ремесленники, торговцы и т. д. Можно ли утверждать серьезно: сословие, состоящее из различных сословий, социальных групп?

К несчастью, часто вожди Казачества, его интеллигенция („мозг и память народа“) не показывали своему народу достойного примера для подражания, для укрепления казачьего самосознания. Но, вопреки этой вредной для Казачества работе верхов, вся казачья масса от мозга до костей охвачена своим казачьим сознанием, в умах и сердцах каждого казака, не потухая, горит общая для всех Казачья Идея.

При отсутствии точно установленных, раз навсегда определенных „признаков“ для определения национальности, с одной стороны, и при наличии ясно выраженной воли, не умирающей в душе каждого казака Казачьей Идеи — с другой, можно ли категорически утверждать, что Казачество не есть особый народный организм, имеющий свои особые интересы, свое право на самостоятельное государственное существование?

Поэтому-то Вольное Казачество на вопрос — имеет ли Казачество право на самостоятельное государственное существование — отвечает положительно, ибо оно знает, что у казаков сильное сознание общности казачьих интересов, особенности их положения, отличности их от русского народа. Но самое главное, Казачество ясно, определено и многократно выражало и выражает свою волю жить самостоятельной государственной жизнью. Оно своей сознательной волей желает творить и утверждать свою национальность, свою независимую государственность.

„Выходя в свет, „В. К.“ зовет в свои ряды всех тех, кто хочет защищать свою волю, кто не хочет ничего господства над собою, от кого бы оно ни исходило и как бы оно ни называлось; кто считает, что Казачеству нужно прежде всего думать о себе и о своих Землях, бороться за свое право и свою свободу“...

„В. К.“, № 1, 10 декабря 1927.

Флаг и герб Казакии.

Каждое самостоятельное государство, вступая в общую систему международных отношений, принуждено, по необходимости, иметь целый ряд своих собственных отличительных знаков и эмблем, которые везде и во всякое время могли бы выразительно характеризовать его особенности. К числу главнейших таких государственных эмблем относятся: государственный флаг, государственный герб и государственный гимн. Все эти эмблемы имеют целью ясно выразить как внешние свойства государства, его мощь, силу, независимость (суверенитет), так и духовные качества народа данного государства. Флаг, герб и гимн государства являются самым могучим выразителем суверенности данного государственного целого; они указывают и постоянно подчеркивают то, что государство и народ, им владеющий, есть совершенно свободный, неподчиняющийся ничьей чужой воле.

Флаг и герб — государственные эмблемы пластического, „наглядного“ типа. Задачей флага является — обозначать на расстоянии принадлежность государственных установлений, как государственных учреждений, кораблей на море и в пристани и пр. Назначением герба есть отмечать ту же принадлежность некоторых „предметов“ власти государственной, а помимо этого он еще выражает свободную волю государства в разного рода случаях и специфические, обусловленные исторически, характернейшие национальные свойства данного государства.

Гимн есть эмблема слуховая; заданием его есть вселить в сознание слушателей те же представления о силе, мощи, суверенитете и других особенностях государства, которые выражаются в иных случаях наглядно гербом и флагом.

Несомненно, что значение всех этих государственных эмблем в жизни каждого государства — огромно и потому то в интересах государств, пользующихся всеми этими атрибутами своего состояния и власти, принять или сделать все такие знаки — символы наиболее совершенными, понятными, „грамотными“, выразительными.

„В. К.“ настоящим берет на себя инициативу поставить вопрос о государственном флаге, государственном гербе и государственном гимне будущей Казахской Державы — Казакии. В настоящей статье коснемся только флага и герба, предложив вниманию Казачества и проекты таковых, вопрос же о гимне поставим в следующей статье.

I. Флаг Казакии.

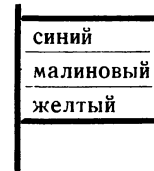
Определить и установить общеказачий флаг не представляет больших затруднений. В сущности, все решение вопроса о всеобщем казачьем флаге, о флаге Казакии, сводится к определению цветов и числа их в нем. Установление этих цветов дается уже наперед и как бы даже диктуется цветами краевых казачьих флагов, отражающих цвета краевых гербов. Таким образом, цвета флага Казакии были бы органически связаны с иными геральдическими знаками Казачьих Земель. Мы как раз и предлагаем этот способ разрешения вопроса о флаге Казакии. При этом мы обуславливаем наш проект общеказачьего флага следующими соображениями. Флаг, как нам кажется, должен состоять наиболее из трех цветов, ибо с большим числом цветов флаги вообще очень редко встречаются, а среди народов Европы и совершенно отсутствуют. Многоцветные флаги очень непрактичны в употреблении; цвета их на расстоянии сливаются, пестрят и трудны для распознавания. Поэтому мы предлагаем определенно трехцветный флаг для Казакии.

Цвета же флага лучше всего определить по наибольшему числу встречающихся в краевых казачьих флагах цветов. Подсчитать, сколько раз тот или иной

цвет встречается в краевых казачьих флагах¹⁾, имеем: желтый цвет в казачьих флагах встречается 9 раз; красный — 8; синий — 6; белый — 6; зеленый — 5; черный — 4; малиновый — 1. Значит „соперничающих“ цветов будет 4: желтый, красный, синий и белый.

Комбинируя далее этими четырьмя цветами, делаем наиболее выгодный для нас выбор и в результате получим: желтый цвет, как наиболее часто встречающийся в большинстве казачьих краевых флагов, — оставим неприкосновенным. Далее, из равных между собой цветов белого и синего, выберем синий, как более свойственный Казачеству. С красным цветом удобнее сделать такую выгодную операцию. Сам по себе красный цвет для Казачества ничего не значит, но очень близок к цвету малиновому, имеющему для Казачества вообще ценность историческую, как один из цветов старейшего Казачества запорожского (а теперь Кубанского, он же и цвет Уральцев); можем поэтому смело красный цвет заменить цветом малиновым и тогда получим искомое нами трехцветие: желто-малиново-синее в восходящем или нисходящем порядке. Мы предлагаем для флага такую последовательность цветов: синий — вверху, следующий малиновый — посредине и желтый — внизу.

Графически изобразится тогда флаг Казакии так:

Надеемся, что предлагаемый нами здесь проект общего флага всей Казакии споров не вызовет и будет принят всеми казаками, как единственно возможный и наиболее удачный из всех прочих возможных проектов.

II. Герб Казакии.²⁾

Более сложным, несомненно, представляется вопрос о гербе Казакии.

Собственно, что касается вообще государственно-го герба Казакии, о его значении и необходимости, то не будем сейчас долго распространяться на эту тему. Этот вопрос подробно был рассмотрен в специальном труде о казачьих гербах в изданном нами „Календаре-Альманахе „В. К.“ на 1930 г. (статья М. Бытыньского).

В настоящей статье мы попробуем приблизиться к практическому решению вопроса и предлагаем Казачеству проект общего государственного герба Казакии.

Каким должен быть государственный герб Казакии? Частичный способ решения этого вопроса был уже затронут в названной нами статье Бытыньского о гербах. Там уже указывалось, что выбор герба для Казакии может совершиться лишь по одному из двух путей: или составлен будет для всех Казачьих Войск, входящих в государственный союз, единый герб, отличный от краевых казачьих гербов, или все краевые казачьи гербы известным способом сольются в отдельный сложный герб. Геральдические трудности второго приема там же были косвенно указаны. Главнейшее препятствие к построению такого сложного герба заключается в том, что всякое расположение гербов в одном

¹⁾ См. М. Бытыньский. Национальные цвета и флаги. „В. К.“, № 54-55.

²⁾ От ред.: Идея предложенного в настоящей статье проекта государственного герба Казакии принадлежит И. Билому; геральдическое упорядочение, графическое решение (рисование) и бланжирование (описание) герба исполнил М. Бытыньский.

Казаки, верьте в самих себя, верьте в свои силы!

щитовом поле способом „сечения“ и „деления“ щита подвержено строгому порядку геральдического старшинства, знака же равенства между казачьими гербами геральдически выразить невозможно. Все гербы, соединенные в одном щитовом общем поле, не исключая, конечно, и государственных, соединяющих в одном гербе гербы провинций, размещаются и читаются в известном последовательном порядке (справа налево и сверху вниз накрест), определяющем их значение по старшинству. Чтобы избежать осложнений и недоразумений при размещении всех, равных между собою по значению Казачьих краевых гербов в одном большом щите Казаки, мы такой способ построения общеказачьего герба отклоняем. Остается обратиться к другому, вернее к первому из указанных приемов.

Значит, для всей Казаккии должен быть принят один герб.

Признать за таковой один из краевых гербов какого либо одного казачества, тоже из упомянутых причин — невозможно. Лишь составление и построение совершенно нового герба является наиболее верным выбором пути в решении вопроса о всеказачьем государственном гербе.

Попробуем же рассмотреть и разобраться в соответствующем материале, могущем обусловить построение такого герба.

Не будем, из-за недостатка места, касаться интересной темы старой геральдики о составлении гербов. По необходимости ограничимся несколькими словами о геральдических приемах современных.

Теперь требуется, чтобы при составлении новых гербов, гербовый знак был не только отвлеченным символом, немым знаком владельца герба (безразлично — особа или корпорация), но чтобы такой знак свидетельствовал обязательно о каком то внутреннем содержании владельца герба, будет ли это современная характеристика или историческая традиция.

Государства, возрождающиеся на наших глазах, при установлении своих гербов не только не игнорируют это правило, но наоборот, еще в большей степени подчиняются ему, стараясь выразить и подчеркнуть в своем гербе наиболее ценную свою особенность или традицию. Наичаще в таких случаях обращаются к фиксации в гербе известных исторических традиций, поэтому и возобновляются древние государственные гербы и иные знаки, свидетельствующие о славном прошлом. Составляются, конечно, и новые гербы, знаки которых обязательно символизируют наиболее выдающееся качество народа. По первому пути пошли почти все возродившиеся после революции государства — Польша, Украина, Белоруссия, Чехия, Финляндия, Литва, государства балтийские и проч. — все принятые ими гербы есть восстановленные гербы исторические.

Искать какого либо материала в казачьем историческом прошлом в данном случае не приходится.

Казаки никогда не обладали в прошлом одним, общим, всеказачьим каким либо гербом или печатью. Два наистарейших Казачества, обладавшие знаками, применяемыми к настоящему гербу — Запорожское и Донское — имели и печати и гербы разные; значит, в данном случае история никаких, полезных для нашей цели материалов дать не может.

Главное, что мы должны иметь все время ввиду, это — чтобы построить для Казаккии герб, который в наиболее полной степени характеризовал бы наиболее ценное качество или свойство казачьего народа. Можно было бы искать для этого соответствующего материала в каком либо выражении казачьей стихии, как наиболее полных свойств Казачества. Такими стихиями могут быть — внешняя, обусловленная характером казачьей земли и внутренняя, выражающаяся в духовных, моральных особенностях Казачества.

Природная внешняя стихия казачьей земли, это — степь, море, воды больших рек; они были колыбелью Казачества и ареной его исторической жизни. Все это, безусловно, заслуживает большого внимания, но нам кажется, что обозначение в гербе мертвой независимой от человека стихии все же имеет меньше значения, чем выражение в нем стихии живой, духовной, сознательной воли, носительницы известных мораль-

ных ценностей и идеалов. Потому мы обращаемся к исканию данных для герба во внутренней стихии Казачества.

Несомненно, что исторический дух и особенности Казачества определились в таких его отличительных качествах: казаки — великопленные, первоклассные наездники и бойцы — первое; второе: они исконные носители духа свободы, равенства, братства; отсюда их замечательная форма общежития — народоправство.

Выражением первого качества, как нам думается, да как обыкновенно и практикуется новой геральдикой, может быть конь или какой либо его атрибут, стремя, подкова, хвост, грива, и т. д. В пользу коня, как гербового знака Казачества, говорило бы еще и то обстоятельство, что казак вообще сросся с конем — это его лучший друг и товарищ, с которым он всегда делил свою историческую долю. Если бы Казачество желало избрать для своего герба именно такой знак, который бы символизировал его особенность, как конного народа, то за формой и способом исполнения этого, оно могло бы не без успеха обратиться даже к старой исторической практике предков. Конь в пластических изображениях Казачества занимает первое место среди всех остальных животных; очевидно, конь всегда был для казака любимейшим из всех них.

Для выражения вторых, духовных качеств Казачества, как носителя принципов свободы, равенства, братства, народоправства и других видов своего исторического быта, могут быть взяты, как гербовый знак лишь атрибуты.

Из таких атрибутов, бесспорно, первое место принадлежит булаве и бунчукам, ибо они одни наиболее полно отображают все указанные выше духовные качества у Казачества. Под булавой и бунчуками прошла вся историческая жизнь Казачества. С ними всегда и наиболее полно и тесно связывается в Казачестве представление о свободе, равенстве, народоправстве (булава) и о славном боевом прошлом (бунчук).

Из критической оценки всех упомянутых здесь и рассмотренных символических выражений характера и свойств Казачества, мы находим, что наиболее их полное и выразительное изображение принадлежит безусловно булаве и бунчуку. Потому мы и предлагаем их в своем проекте государственного герба Казаккии принять за главные символы, за главные знаки гербовые.

Мы предлагаем избрать для гербового щита государственного герба Казаккии одну булаву и два бунчука — Запорожский и Донской. Наилучшая геральдическая комбинация их будет такая: бунчуки поставлены крестообразно и связаны булавой. Получается простой, несложный, лаконичский во внешнем выражении, но много говорящий своим внутренним содержанием и каждому казаку и чужому — герб.

Обращаемся теперь ко второму вопросу построения и приведения в геральдический порядок всего герба Казаккии, ибо одним выбором символа и помещением его в щит вопрос о настоящем государственном гербе Казаккии еще не исчерпывается. Во-первых надо еще решить вопрос о выборе цветов щита и фигур, во-вторых решить и целый ряд иных вопросов, связанных с понятием о государственном гербе.

Цвета герба Казаккии натурально надо связать с цветом ее флага; флаг определяет по большей части цвета герба и наоборот, потому и цвета всеказачьего герба должны бы быть логическим повторением цветов флага — сине-малиново-желтого. Из комбинации цветов в самом гербе наилучшим, думаем, будет следующее: на синем (голубом) поле щита золотые бунчуки и булава, украшенные малиновыми отделками.

Все старые государства (молодые наследуют им) пришли к необходимости употребления в различных случаях и целях по меньшей мере двух гербов — большого государственного герба и малого. К необходимости создания большого герба привело желание, как владетелей, так и подчиненных, соединять в одном государственном символе гербы провинций, земель, единицы которых и участие в государственной жизни, этим как бы должно подчеркиваться. И все государства, составленные из отдельных провинций почти неуловимо следуют этому обычаю. Их полные государствен-

ных гербы всегда тем или иным способом соединяются с единым, общим для всех, государственным гербом, который естественно среди них доминирует, занимая главнейшее геральдическое место. В сущности только такой, соединенный из гербов провинций и земель герб, связанный главным доминирующим (владельческим, республиканским или каким иным) в составных сложных государствах имеет значение настоящего государственного герба. Особенно большое значение имеет такой герб при различных иностранных сношениях государства; таким образом все главнейшие провинции и земли государства как бы принимают равное участие в главных государственных актах и как бы своими именами санкционируют его действия. С другой стороны и само государство или репрезентант его с некоторой гордостью носит титулы и гербы своих земель, и этим как бы говорит от их имени. Словом, при наличии и признании в государстве и краевых гербов игнорирование их и совершенное вытеснение во всех случаях одним главным гербом было бы нелогическим.

Переноса теперь этот вопрос к Казакии, должны согласиться, что поскольку в состав ее войдут самостоятельные Казачьи Земли, лишать гербы их участия в государственном гербе нет смысла. Казакия в этом случае должна безусловно наследовать обычаи и практику более опытных государств.

Государственный герб с присоединением краевых гербов называется „большим государственным гербом“ в отличие от „малого“ герба, представляющего обыкновенно сокращение герба большого; „малый герб“ сводится к одному, доминирующему в большом, гербу и употребляется во внутренней государственной практике, имеющей значение для всего государства. Таким малым гербом для Казакии и может быть описанный выше общеказачий герб с булавой и бунчуками.

Некоторые государства обладают еще и „средним гербом“, представляющим неполное сокращение большого — соединение главного герба с некоторыми наиболее значительными землями государства, но в таком гербе для Казакии, как союза одинаково равных земель, нет надобности.

От вопроса же о большом государственном гербе Казакии невозможно уклониться, он должен быть решен в положительном смысле, ибо самостоятельные Земли казачьих Войск, соединенные в одном союзе — Казакии имеют право и на соединение своих краевых гербов с общесоюзным в одном государственном гербе.

Таким образом, мы приблизились вплотную к вопросу о большом гербе Казакии.

В практическом решении этой задачи нам поможет, хотя бы беглое знакомство с типами подобных гербов в других государствах. Таких типов гербов есть два: 1. описанный нами уже вначале, составленный из соединенных краевых гербов в одном щите и 2. составленный из соединения краевых, земских гербов вокруг главного общего гербового щита. Первый способ, как было уже нами доказано, не может быть принятым для Казакии вследствие полного равенства всех Казачьих Земель и вследствие полной невозможности установить градацию по значению государственным. Остается единственным для принятия второй способ — соединение краевых казачьих гербов вокруг общего всеказачьего союзного герба. Практическое исполнение этого есть уже задачей исключительно геральдики.

Обыкновенно геральдика практикует в таких случаях два приема, зависящих от самого внешнего вида фигуры в главном гербовом щите. Если вместительные размеры и красивый симметрический вид общей фигуры позволяет, то провинциальные гербы размещаются на самом теле фигуры вокруг какого либо наиболее значительного земского или иного герба, занимающего центр гербовой общей площади. С большей легкостью применялся прием построения большого государственного герба в тех случаях, когда главная гербовая фигура исключала возможность помещения на ней иных

гербов. В таких случаях всегда гербы земель окружают (полностью или частично) главный гербовой щит извне; общей же связью до них при этом служит или венчик из лавровых и дубовых листьев или какой либо орнамент. Такой единственный путь для построения своего большого государственного герба примем и мы.

Хотя главнейшими элементами герба всегда остаются щит и фигура на нем, но обыкновенно и другим, будто бы второстепенным частям в большом государственном гербе уделяется достаточное внимание. Эти гербовые элементы — следующие: более важные части: 1) шлем или корона, венчающие герб; 2) нашеломник; менее важные части герба: 3) покрывало шелома; 4) гербовый девиз; 5) щитососцы; 6) гербовый плащ; 7) гербовый шатер.

Остановимся лишь на главнейших из них; остальные имеют целью придать внешнему виду герба пышность.

Шелом или корона, венчающие щит герба, произошли исторически путем и считались в старину важнейшей принадлежностью герба вообще. Все старейшие дворянские гербы увенчаны шлемом, а земские, краевые и государственные гербы шлемом или короной, особенно последней в тех случаях, когда Земля носила когда то звучный титул королевства, княжества и т. п. и обладала к тому же еще своей местной специфической формой короны (Чехия, Венгрия, Ломбардия и т. д.); градация земских титулов отменялась даже известной геральдической формой корон, так, что при первом взгляде на герб, можно было по его короне узнать, каким титулом обладает данная Земля. Новая геральдика венчания щита коронами не всегда придерживается; особенно при построении государственных республиканских гербов, как во Франции, Америке, этот способ был игнорирован. Хотя некоторые нововозрожденные государства-республики удержали у себя коронование щита, скорее несомненно как историческую традицию — Чехия, Венгрия, а Белоруссия украсила свой герб рыцарским шлемом.

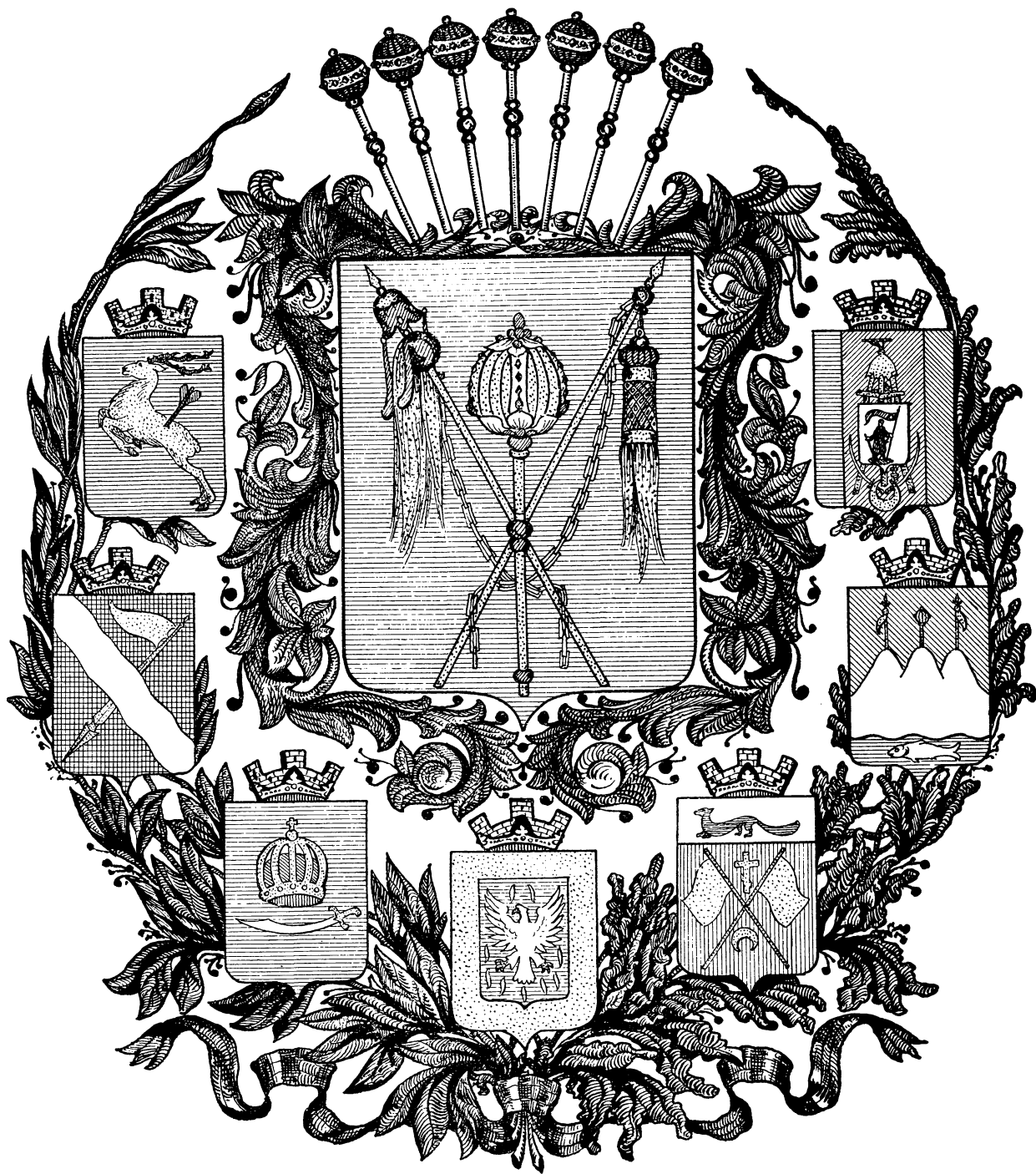
Другой важной частью герба считались нашеломник и покрывало шлема; при коронах они, ясно, отпадают, но при шлемо до некоторой степени обязательны. Нашеломник или повторял общую фигуру в гербе, возникающую еще и из шлема или представлял собою совершенно новую фигуру, отличную от фигуры в щите, но тоже очень важную в геральдике; нашеломник служил для различения разных ветвей одного рыцарского рода, часто был и выразителем иных свойств владельца герба. Это последнее особенно для нас важно, ибо в виде нашеломника мог в общем гербовом знаке быть представлен какой либо иной важный символ почему либо исключенный из гербового щита. Покрывало шелома имело тоже в старину практическое значение, позднее же стало служить в большинстве лишь декоративным украшением щита. В гербах без корон и шлемов покрывало превратилось просто в орнаментальную прикрасу, окружающую щит извне.

Теперь следовало бы решить, чем можно с наибольшей целесообразностью воспользоваться из приведенного материала для герба Казакии.

Венчание государственного герба Казакии короной, бесспорно, совершенно отпадает. Можно, правда, употребить в гербе Казакии корону общего земского типа так наз. „башенную“ корону, но такая корона принадлежит обыкновенно лишь отдельной Земле. Башенную корону можно применить лишь по месту, увенчав ею краевые гербы. Венчать щит шлемом было бы, думаем, тоже лишним. Откинув корону и шлем, мы тем самым отбрасываем покрывало шлема, органически связанное с ним. Форму покрывала мы предлагаем изменить в окружающий щит орнамент, отчасти напоминающий покрывало. Это — красивая декорация щита; она не только украшает самый щит, но и выдвигает его пластически, будучи для него благородным фоном.

Из перечисленных выше второстепенных частей герба мы можем воспользоваться лишь нашеломником и то потому, что нам все же желательно в большой

Верьте своим, не доверяйте чужим!

Государственный герб Казакии (проект).

государственный герб Казакии поместить и семь булав — по числу Казачьих Войск в Казакии. При этом заметим, что хотя некоторые геральдики и высказываются против помещения одного нашеломника без шлема на щите и 2) хотя такое явление действительно в практической жизни невозможно, но поскольку мы здесь имеем дело не с настоящим щитом, а со всеми элементами герба, как исключительно с нематериальными символическими изобразительными знаками, думаем, что такая комбинация элементов герба вполне возможна.

Таким образом, основываясь на всем вышеизложенном, мы теперь можем вполне построить и упорядочить большой государственный герб Казакии.

Будет он иметь такое графическое изображение, какое предлагаем мы при сем на чертеже.

В заключение остается лишь блазонировать (словесно описать) этот герб. Блазонирование же герба — следующее:

„Большой государственный герб Казакии представляет: Союзный общий герб семью по числу Казачьих Войск краевыми гербами — донским, кубанским, терским, яйцким, астраханским, оренбургским, калмыцким*),

*) Краевые гербы перечислены в порядке геральдической последовательности, как они изображены; отнюдь такой порядок не выражает никакого старшинства мест. Другой геральдический порядок — читать гербы вертикально вниз справа, потом слева. Изображены гербы во временном порядке их исторического возникновения.

соединенных венком из лавра и дуба, перевязанного трехцветной национальной казачьей лентой — окружен.

I. Главный герб: в голубом (синем) поле два золотых крестообразно поставленных бунчука старейших казачеств — запорожский (позже Черноморский) и донской — эмблемы военной доблести и славы предков казачества — с малиновыми украшениями и серебряными цепями таковою же булавою-эмблемою свободы, равенства и народоправства — с малиновыми же и серебряными украшениями — связаны; щит герба нашломником из семи золотых булав — эмблемы равенства всех Казачьих Войск в государственном союзе — увенчан; золотой же орнамент на подобие шеломного покрывала щит справа, слева и снизу украшает.

II. Донской герб: в голубом (синем) щите золотой скачущий степной „Елень“ (олень) с глазами, копытами и рогами червлеными, таковою же стрелою в спину пронзен.

III. Кубанский герб: на голубом (синем) дважды расщепленном малиновом в два раза шире и зеленым, подобным голубому щите средний серебряный щит с запорожцем в малиновом одеянии с таковою же хоругвью с серебряным греческим крестом с черным древком в левой руке и с золотым мушкетом в правой руке — помещен. За щитом в малиновом поле золотая вышка над двумя серебряными запорожской и кавказ-

ской саблями, наклоненными золотыми эфесами внутрь — стоит; в оконечности щита золотой полумесяц концами вверх.

IV. Терский герб: в черном щите волнистая серебряная перевязь влево, за которой вправо золотое знамя на таковом же древке.

V. Яицкий герб: в зеленом щите три серебряные горы; на них — средняя: золотая булава поставлена; на крайних золотые же бунчуки с такими же полумесяцами концами вверх и с такими же остриями; в голубой оконечности щита серебряная рыба.

VI. Астраханский герб: в голубом (синем) щите золотая подобна королевской, восточная, с пятью дугами корона с зеленой подшивкой: под нею восточный меч с золотой рукояткой, острым концом вправо.

VII. Оренбургский герб: в червленом щите два золотых крестообразно поставленные знамени на таковых же древках сопровождаемые шестиконечным крестом вверху и таковым же опрокинутым полумесяцем внизу; в серебряной главе щита голубая куница.

VIII. Калмыцкий герб: в голубом с золотой каймой щите белый кречет таковыми же девятью хвостами якка окружен.

Краевые гербы областными башенными коронами увенчаны.

В. П. Елисеев (В. Петров).

„Белое окружение“.

(Продолжение).

Было сухое, тихое августовское утро. Солнце еще не успело обогреть пробудившийся раньше обыкновенного лагерь, а окаменевшая на плацу дивизия с замиранием сердца смотрела на своего гиганта-начальника дивизии, величественно шагающего с рапортом навстречу Донскому Атаману, едва отошедшему от автомобиля, на котором легко трепетал развевавшийся атаманский флажок.

Приняв рапорт, Атаман, в сопровождении начальника дивизии, направлялся к нам.

— Здравствуйте, Молодые Орлята! — звонко прозвучало в утренней тишине. — Здравия желаем, г. Атаман! — огласила дивизия всю лагерную окрестность дружным и мощным ответом.

— Молодые Орлята! — так назвал вас Войсковой Круг, — начал Атаман. Войсковой Круг приказал вам взять Царичин...

Не успел начальник дивизии показать нужный знак, как вся дивизия, как по мановению волшебной палочки, гулко гаркнула свое мощное обещание — „Постараемся, г. Атаман!“

Атаман, сообщив грустную весть об оголении Трех-Островьями фронта, приказывал и просил нас „молодых орлят“ „спасти фронт“, помочь изнуренным и уставшим в неравной борьбе, упавшим духом нашим отцам. В конце концов, выразил полную уверенность, что мы с честью оправдаем данное ему нами обещание...

Дружное, могучее „ура“ в резком, утреннем воздухе не смолкало до самых тех пор, пока уносящий Атамана автомобиль, с развевающимся на нем донским флажком, не скрылся за бугром...

Да и после долго еще клокотали молодые сердца, душившиеся в нервном возбуждении, причиненном горькою вестью Атамана. Они готовы были выпорхнуть и птицей не лететь, а парить. Туда, где льется потоками отцовская и дедовская кровь; туда, где только и можно засвидетельствовать настоящую лихость, любовь и преданность к своему Дедовскому Краю — „своему Отечеству“; туда, где только и можно закрепить за собой на всю жизнь право славного имени казака...

А когда где-то за лагерем, в пруде оборвался последний звук, задушенного, хриплого „ура“, тогда „молодые орлята“, расходясь по казармам лагеря, украдкой друг от друга гасили слезинки с своих раскрасневшихся, горячих щек... — было и радостно и вместе с тем как то грустно...

Радостно было от того, что, наконец, дошел черед показать себя „настоящими казаками“ — сравняться с отцами, а грустно было от того, что нам, молодым, неопытным и неискушенным еще в ратном деле вменялось высшей властью в обязанность поддержать не только физически, но и нравственно наших потерявших дух отцов. Отчего они потеряли этот „дух“? Верно ли оттого, что устали? Или, быть может, отчего-либо другого?.. Только от этого нам и было грустно... Как не говорите, а приходилось делать необычное дело — учить нам, детям своих отцов... Почему они не все думают так, как мы? Одни, правда, умирают, а другие, оголяя фронт, уходят к красным (не красные же они, а уходят...).

Станция „Чирь“, а 31 августа и станица Суворовская. Наступавшая вчера, переправившись через Дон, Пластунская (хотя, собственно говоря, все были пластуны) молодая бригада* на задонские хутора Ромашкин и Молоканов, понесла огромные потери. Дрались же пластуны, как говорят, отчаянно. Малодушью места не было. Будучи приперта к Дону (переправы через Дон никакой не было. Бригада через Дон была перевезена на барже), бригада ровно половину своих пластунов оставила, отстреливаясь, на том берегу. Многие, видя неминуемую гибель, стрелялись сами. Застрелился, будучи тяжело ранен, сам начальник бригады. Говорят, что боевой свой экзамен пластуны выдержали блестяще. Что многие зря погибли, вина не их...

1 сентября переправилась через Дон и наша дивизия (тоже на барже). Заняла она ту же позицию, что занимали пластуны, окопавшись в займище, лицом к тем же хуторам — Ромашкину и Молоканову...

К этому времени война с большевиками успела принять характер настоящей позиционной войны. Вернее, характер самой обыкновенной войны. Враг, усилившись, успел организоваться. Наши весенние, легкие набеги (когда красные только „гарнизовались“) не могли теперь иметь решающего значения, как весной. Наброситься и выбить противника из Ромашкина и Молоканова, еще не значит освободить от него Н.-Чирской район, как это было весной, когда, взяв Орловку

К трем дивизиям Молодой Постоянной Армии принадлежала еще Пластунская бригада, формировавшаяся в Новочеркасске, в Тузлове.

и Мартыновку, мы имели освобожденным от красных весь 1-й Донской округ.

К этому времени существовали две настоящих армии: армия наша, Казачья, и армия противника — Красная. Все же нам, горячим головам не хотелось сидеть на месте, зарывшись в землю. У нас бурлила кровь и жажда посоперничать с врагом...

Вчера мы наблюдали, как по бугру проехал красный командир („комиссар“, по ихнему) со своим штабом и красным флажком.

— Какой-то жидок несется, — заметил моего взвода казак Иосиф Лаврухин. — Вот бы, спешить, — отозвались другие, довольно рассмеявшись. А я, наблюдая за двигающимся „жидком“, и ничего не говорил и не смеялся. Я только думал про себя. — А, чорт его знает, „жидок“ ли это или, быть может, сам генштаб. Говорят же, что у красных офицеров (да не только офицеров, а и самих генералов) генерального штаба — хоть отбавляй...

— А на флажке, небось, — звезда, — улавливаю из разговора казаков. — А почему ты знаешь? — Говорят. У них теперь звезды там какие-то. Двухглавый-то пошел на смарку...

Флажок „жидка“ меня навел на мысль... Безразлично, какой флажок. Красный, белый или другого какого-либо цвета. Меня заняло само существование у „них“ флажка... Значит, у „них“ есть что-то бóльшее, чем, как я думал, ненависть к казакам Орловской или Мартыновской слободы. Значит, у „них“ есть также, как и у нас, „свой бог“, которого они чтут и за которого они с нами воюют. „Бог“ этот — противный нашему, Казачьему. Имя ему — „Красный бог“. Тут, не больше, не меньше, как борьба не на жизнь, а на смерть „двух богов“. Казачьего и Красного. Смертельная борьба... Но так ли? Верно ли, что два „бога“? Фронтон-то, правда, два. А „богов“?.. Ведь есть еще где-то один „маленький бог“ — „Божененок“... „Добровольческий“... Правда, этот „божененок“ состоит в союзе с нами, но он имеет свое отдельное, собственное имя... „Белый“ называется... Значит, как не крути, как не верти, а всех „богов“ — три... „Три бога!“ — Казачий, Красный и Белый. Один должен победить. Какой же?.. (К этому времени вылился в полной своей „политической“ идее — не только „Красный бог“, но и „Белый“, почему я и говорю о каждом из „богов“ отдельно...)

После недельного седения перед Ромашкиным и Молокановым мы снова возвратились в ст. Суворовскую. Видно было, что с нами не торопились. Вероятно, военное командование имело на то свои соображения...

Воскресенье. Был в церкви, но не потому, что — праздник, а потому, что были похороны одного убитого третьей сотни нашего полка казака. Первая смерть нашей молодой дивизии. Стоял в церкви и, смотря на гроб, думал. Думал о том, что вот этот, вчера кровь с молоком, молодой, безусый еще казак, жил бы и жил себе целых сто лет, мог бы не только, что быть отцом, а мог бы иметь и внуков — быть дедом, а проклятый, мизерный кусочек свинца оборвал дорогую, молодую жизнь в самом ее зародыше. Ну, не жалко ли? Вчера отец и мать умилялись, что у них есть сын — сейчас защитник Дона, а на старости им кормилец и утеха. Они, бедные и сегодня, когда сын их уже лежит в гробу, наверняка, молятся о его здравии. Но, сына уже нет... Завтра, послезавтра они, всегда неспокойные душой, получат сухое бессердечное, казенное извещение... Где будут стоять, там и попадают... И все лишь отчего? Все это тот презренный, ничтожный кусочек свинца, что оставил после себя еле заметный след на виске мертвеца...

Но недолго мы кушали от добрых хозяев станицы пышки с каймаком, которыми они потчевали казаков каждое утро и вечер. Через три дня, ночью, вся наша дивизия снова перешла Дон уже по наведенному к этому времени не плохому мосту.

Ночь перед наступлением. Длинная, беспокойная, нервная ночь! Тот знает, как ночуются эти ночи, кто знал определенно еще с вечера, что с первыми проблесками утренней зори его жизнь будет играть со смертью и что, быть может, ранние солнечные лучи

утренней зори будут для него последними... В такие ночи сто раз закрываешь глаза и сто раз их открываешь и каждый раз много представляется тебе всякой всячины, отчего ты вздрагиваешь, подозрительно оглядываешься, вскакиваешь и снова падаешь, натягивая на голову потуже фуражку...

Наступало всю ночь жданное тихое, тихое утро. Дымился Дон, поднимавшийся от него белый пар, клубясь, низко стелился по оросившемуся за ночь займищу. Кукурекали уцелевшие от красных на Молокановом петухи, дымилась редкие трубы летних хат, звонко ревели телята, слышно было даже, как гоготали в этом хуторе проснувшиеся гуси. А в станице Суворовской звонили кутрене. Не в большой колокол — праздника не было — а к „сорокоусту“ — в часовой и редко...

Мне, лежащему в Ромашкином саду и видевшему, как наши цепи уже идут по займищу; мне, обътому, пропитанному за ночь мыслью о предстоящем бое; мне, жившему единственной мыслью — мыслью войны, этот редкий утренний звон казался очень неуместным — он не укладывался, он был непонятен, странен для натянутой ночными переживаниями моей души...

В самом деле. Какая там церковь? Кому он звонит? Ведь вся жизнь, весь ее интерес здесь, в окопах, под пулями. Здесь только жизнь, а чуть дальше, за черту фронта, там уже нет смысла жизни... Там все мертво. Там все спит в летаргическом сне. Живое, но спит мертво. И ждет своего пробуждения, когда мы его разбудим... Да и не так ли?.. Стоит только нам не удержаться, и церковь эта не только не будет звонить, но и перестанет существовать, как церковь... „Красный бог“ — „особенный бог“. Церковь не долюбливает...

Пришло время и нам высипать из садов. Единственная конная сотня дивизии, под командой подесаула Костромича, рассыпавшись по косоугору, рысит правее нас... Случись так, что суворовский звонарь чудом бы превратился в художника, перестал бы звонить и начал бы нас рисовать...

После спешной наброски высыпавших из садов и двигающихся цепей по займищу, ему (это художнику-то) следовало бы сразу же отметить командира нашего 8 полка, полковника Абраменкова. Не надо бы было рисовать под ним такого коня, какого я всегда видел, преимущественно, под нашими петербургскими гвардейцами, — с закругленной красивой шеей и взвизгивающегося „гопки“ (этих красивых коней фотографии всегда имели у себя готовыми и при фотографировании приделывали к ним лишь казаков). Нет. Под командиром нашего полка была самая невидная вороненькая кобыленка, на которой он преспокойно раз'езжал по займищу под градом пуль. По земле за ним волочилась шашка, а в руке его была хворостина, которой он то и дело постегибал кобыленку и указывал то или иное направление цепям. Выражение лица командира можно было оставить — написать его, как можно точнее, на свободе. Для этой надобности можно будет воспользоваться любой его домашней фотографией, где он снят в кругу семьи — спокойный, добродушный и всегда улыбающийся... В германскую войну я видел, как партизан — подесаул Воробьев, под чертовски сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника, спокойно стоял во весь свой рост и грыз, вытаскивая из карманов своего черного овчинного полушубка, сухари. Подесаул грыз сухари, а у меня, глядя на него, на голове поднимались волосы.

Но такой силы воли, такого необыкновенного из необыкновенных безразличия к явной опасности, больше, такого полнейшего пренебрежения к смерти, как у своего командира полка, я, и умру, думаю, не увижу.

После командира полка следовало бы обратить внимание на конную сотню (тут уже разговор идет о красоте) дивизии. Вернее, на момент ее полета... Видел каждый, как налетает стая воробьев на рассыпанное по дороге зерно. Шумнет под самым ухом — и уже на зерне. Впечатление при полете — будто бы не у каждого воробья есть крылья, а у всех одно общее большое крыло. При полете оно развернуто, а когда садятся оно, повернувшись, исчезает, и на дороге торчат лишь одне воробьиные головки...

Что касается займища, то его надлежит усеять нередкими трупами убитых „молодых орлят“. Ни в коем случае нельзя упустить из вида выносимых из огня раненых. Много раненых. Особенно, смертельно раненых, как, например, моего станичника командира 5 сотни, сотника Крючкова, бывшего немало трехлетий помощником станичного атамана. Ночью я с ним телло, как с отцом, беседовал, а сейчас, когда его пронесли, он меня уже не признал...

К завтраку мы вошли в хутор Молоканов. В Молоканове простояли два дня и, передохнув, пошли дальше. Красные, как попровалились — ни одного не видали.

Шли весь день и ночь. Позагорелись от жары, а нигде не попадалось ни одного колодца. Жажду утоляли оставшимися на свезенных баках кабаками. Только на второй день, перед вечером (15 сентября) добрались до одного колодца, у которого, утолив жажду, попадали, как убитые. Но не на долго. Сейчас же поднялись и пошли дальше. Ориентируясь по карте, узнал, что перед нами хутор Кумской.

Не успели отойти и ста шагов от колодца, как до нас стала доноситься сначала глухо, а потом все слышней и слышней, пулеметная и винтовочная стрельба. Особенно усердно такали пулеметы. А небольшие, как через четверть часа, срывая по дороге „пылку“, засыпали и пули. По цепи передалось „вперед“. Входили в сферу стального дождя, приготовленного для нас, видимо, ожидавшим нас противником...

Когда человек до фанатизма верит в правоту своего дела; когда он предан своему делу всей своей душой и всем своим телом; когда он в средстве достижения своего ясного, правого дела спокоен, уверен, — тогда он при его достижении умирает, не задумываясь, проявляя при этом свое полнейшее безграничное самопожертвование. К такому умозаключению человек должен быть подготовлен. Молодую Армию к нему (к

этому умозаключению) подготовило ее четырехмесячное воспитание...

Нужно было только видеть, как заранее ожидавший нас противник сыпал на ровное, как стол, поле потоки этого страшного стального дождя. А мы между тем, шли, даже не угинаясь. Шли так, как ходили по лагерному плацу на параде, наглядно бравируя очевидной смертью. Не угинаясь, а падали только те, кому уже не суждено было вставать. Все же остальные, не редая, а тая, только и думали и кричали, что „вперед“ и „вперед“...

Одних взводных заместителей я назначал до десятка раз. Между прочим. — Назначая новых взводных урядников, я невольно на моих глазах был свидетелем одного явления (не знаю сам, как оно сохранилось в моей памяти). Я видел, что когда человека убивает смертельная пуля, то он обязательно почему-то, прежде чем упасть, подпрыгивает, подскакивает зачем-то вверх, а потом уже падает. Я это отлично запомнил на моих взводных, замещение которых для командира обязательно. Шел и заменял их до тех пор, пока не подпрыгнул сам, потеряв сознание...

Что правда, то правда. Очень похоже было на парад (как пишет автор „Всевеликого Войска Донского“). Только, конечно, не на парад на лагерном плацу или на Соборной площади, а на какой-то другой парад...

Я бы хотел этот „парад“ назвать не просто парадом, а еще как-либо... Вот уже действительно:

— Ах, сколько, сколько пало их

В борьбе за Край Родной —

Отважных, гордых, молодых...

Да, да. Огважных, гордых, молодых... Особенно, мне жаль, молодых. Нужно было только видеть этих „молодых орлят“, так смело умиравших за свой Родной Край. Нужно было только видеть, как горячо они Его любили...

(Окончание следует).

Думы и мысли.

Грицько Таманець (Югославія).

* * *

Гей, та прийдуть іще літа,
Козацтво випха москаля
Із хати власної, як пса;
Розіб'є знов кайдани ті.

II.

Хіба в степу широкім тім
Не бачить вільних табунів;
І на конях свої швидких
Не будем знов скакати ми.

III.

Кубань свою я так люблю,
Холодних вод її красу.
Ми знайдем сили, як її
Спасти від зайди — большака.

IV.

Хіба-ж даремно кров лилась
За волю, щастя козаків.
І лихо обгорнуло нас
Т;маном злиднів і журби.

V.

Хіба навк в чужим ярмі
Лишиться мусять козаки;
Робить чужим у день, вночі;
По всіх краях літат птахом.

VI.

Одна брехня в степу блука.
Козак в чужині все шука
Святої правди по людах.
Нема її, нема її!

VII.

О, лютий кате! прийде час,
Хвилина помсти за братів;
І загремлять гармати знов;
І полетять орли на бій.

VIII.

Брати мої! свій до свого
Горнімося у мент тяжкий!
Летіть до лави козаків,
Як воля, щирих вояків!

Три года „В. К.“ для казачьей литературы.

Говорить о казачьей литературе можно, пока еще, только условно, ибо, если строго разобраться, ее еще нет; она только зарождается; появляются первые ростки. Одни осторожно и неуверенно нащупывают почву, другие, найдя для себя „свое“ поле, тихо и кропотливо работают, третьи делают смелые посевы. Таким образом есть все. данные за то, что многие из нас еще увидят дружный расцвет молодой, но уже окрепшей казачьей литературы. Она будет иметь св. и языковые и психологические особенности, будет отражать душевные нюансы своего народа и потому будет им возлюблена.

Работников на еще целинном поле казачьей литературы и сей час уже много; каждый из них проводит хоть одну бороздку, бросает хоть одно зерно, кладет хоть один камень в фундамент строящегося дома родной литературы. Само собою разумеется, что среди теперешних работников много случайных, недолговечных элементов, так сказать, поденщиков литературы, но надо быть уверенным, что время выветрит, очистит и, воздав каждому должное, оставит в стенах казачьего литературного дома истинных мастеров, сумевших проч-

но повтыкать веки по пути к этому дому для последующих поколений.

Наше настоящее, наше эмигрантское положение для судеб нарождающейся казачьей литературы имеет и положительные и отрицательные стороны; при чем, как это ни странно покажется на первый взгляд, по моему, первых больше чем вторых.

Эмигрантская жизнь материально бедна; ежедневная работа и забота о хлебе и службе отнимают много времени и энергии. Это безусловно — отрицательная сторона. Но тоскующая по родной земле, мятущаяся в изгнании душа казака, желание борьбы за свободу родного народа, призыв к этому своих братьев толкают на излиние своих переживаний в образной форме, т. е. к литературному творчеству. Это одно. Эмигрантская же жизнь рассеяла нас по разным странам, вольно или невольно знакомит нас с местной грамотой и языком и, следовательно, дает нам возможность с первоисточников знакомиться с лучшими образцами иностранной литературы, которая у многих и стара и слава, а молодая, зарождающаяся литература бывает так восприимчива. Эмигрантская же жизнь представила нам случай жить часто бок о бок или находиться под непосредственным свободным творческим влиянием лучших русских писателей, литературные формы которых не могут не оказать влияния на казачью литературу благодаря языковому единству; благодаря этому же положению наша казачья пишущая молодежь находится в несравненно лучших условиях творчества, чем теперь наши братья на родине — мы находимся в государствах с нормальным устройством, в условиях свободного, бесконтрольного творчества. Она же (эмигр. жизнь), будучи богатой всеческими переживаниями, дает наблюдателю взору много материала для воплощения в творчестве. И, наконец, наличие в эмиграции свободных печатных органов, с различными идеологическими направлениями, дает возможность каждому пишущему казаку печататься и представлять свою работу на суд казачьей аудитории. Все это — положительные стороны печальной эмигрантской жизни для развития зарождающейся казачьей литературы.

Но, до появления журнала „Вольное Казачество“ биение пульса казачьей литературы нельзя было заметить уловить; ни один казачий печатный орган не уделял ей особого внимания, она была в явном пренебрежении, в загоне. Только появление „В. К.“ с его постоянным и определенным литературным отделом (даже на первой странице), который за короткое время вобрал в себя все молодые творческие силы Казачества, заставило и другие журналы встревожиться и обратить внимание на свои молодые литературные ростки. И покойный „Путь Казачества“, и теперешний „Родимый Край“, в подражание „Вольному Казачеству“, заводят литературные отделы, начинают звать казачью пишущую братию. Но лучшие казачьи литературные силы (не только по моему мнению, но и по мнению многих наших противников) нашли вдохновение для своего творчества в идеологических устремлениях „В. К.“ и они, дружно разместившись на его страницах, голосистым молодым хором стали заглушать одиночные голоса в других „казачьих“, но без казачьих идей журналах, которые, во многих случаях, за недостатком своих сил, принуждены прибегать к помощи русских писателей.

Таким образом, „Вольное Казачество“ своим чисто казачьим полигическим направлением и своим правильно взятым, поощрительным отношением к молодой казачьей литературе оживило дремлющие творческие элементы и пропустило через свои страницы и направило по литературному пути не один десяток молодых казаков, желающих попробовать свои силы на литературном поприще. И если из этих десятков авторов хоть единицы выйдут на настоящую литературную дорогу и положат основу казачьей литературе, заслуга „В. К.“ будет велика.

Я сделал бы большое упущение, если бы не упомянул здесь об одном грустном, для дела литературы весьма вредном явлении... Это — не нужное, чрезмерное увлечение некоторых наших молодых литераторов вопросами „внутриорганизационных пертурбаций“, слишком активная ориентация на тех или иных лиц из среды наших политических руководителей,

в случаях их „несогласий“, которая, в конечном результате ведет к отпадению от активного литературного сотрудничества того или иного литератора. Я не говорю, что литераторы должны быть вне политики, нет, но я советую воздержание от мелочей „политики“, от активного участия в „неурядицах“, которые бывают во всякой семье, во всяком политическом течении и во всякой организации. Я утверждаю, что это отвлечение молодых литературных сил от прямого своего дела вредно отражается на непрерывности их же литературной работы.

По моему, наши начинающие поэты и писатели, разбившись согласно своим политическим взглядам между существующими казачьими печатными органами, постольку, поскольку эти органы не меняют своих идеологических направлений, должны спокойно и непрестанно делать свои литературные опыты. Национальная литература — великий фактор в жизни народа, ее значение сугубо увеличивается в период борьбы народа за свое существование и потому литература сама по себе достаточно важна и прекрасна, чтобы исключительно ей посвятить свои силы. Это наши молодые литераторы должны понять и если этого еще нет, то вина здесь только их самих.

Шалвур Нимино.

О калмыцком журнале „Ковыльные Волны“

В ноябре месяце, в Париже вышел первый номер калмыцкого литературно-политического журнала „Ковыльные Волны“.

Журнал этот издается группой калмыков, называемой „Знамя калмыцкого народа“. Редактируется он президиумом этой группы.

В выводе в свет этого журнала следует усматривать факт большой важности, ибо он является первым политическим печатным органом в истории калмыцкого народа. Еще более важным фактом является то, что первый политический печатный орган калмыков несет на своих страницах идею независимости Казачества.

Ранее выходившие калмыцкие журналы являлись органами общественных, а не политических организаций, поэтому они не подходили к разрешению координальных вопросов, стоящих над будущим калмыцкого народа, они не касались актуальных политических тем.

И вот журнал „Ковыльные Волны“ первый сделал шаг к разрешению политических вопросов, касающихся жизни своего народа.

Говорят, что печатное слово в эпоху национального возрождения народа является его главным оружием, и это бесспорно верно. Мысль эта хорошо выражена словами И. А. Билого, сказанными в этом же журнале: „Самое мощное орудие национального возрождения каждого народа — слово в устах национальной интеллигенции. В особенности слово печатное“. К этому можно прибавить еще одно положение, что народ имеющий свои политические идеалы, тем самым определяет свое право на политическую жизнь. Тот же народ, который передает решение своих политических вопросов другому народу, тем самым передает в руки его всю свою судьбу. Поэтому, мы особенно приветствуем выход в свет журнала „Ковыльные Волны“, т. к. появление его знаменует и выход калмыков на „политическую арену“, а вместе с тем свидетельствует о жажде к жизни калмыцкого народа и о желании его сохранить свое национальное Я.

Политическое credo журнала К. В. определено: калмыки в составе независимого Казачьего государства. Во многих статьях авторы их особенно подчеркивают эти мысли, выражая их разными словами. Так, например, С. Балыков в статье „Наш путь“ говорит: „Вольно-казачье дело есть дело калмыцкого народа“ или: „Независимая Казакция одной из составных единиц которой будет калмыцкий народ — вот наш путь“. Д-р Эр. Хара-Даван в статье „О наших национальных задачах“ дает аналогичную мысль: „Участь калмыцкого народа прежде всего зависит от участи окружающего его со всех сторон Казачества, посему калмыцкий народ должен быть в братском союзе, сожительстве с Союзом Казачьих Войск.“

В передовой и в других статьях ярко проводится та же самая мысль.

Демонстрация единого казачье-калмыцкого фронта, как нельзя лучше говорит об успехах идеи независимости Казачества и о крепости давней дружбы Казачьего и Калмыцкого народов. Вот уже много времени казаки и калмыки идут общим историческим путем, сообщая переживая и горе и радости... Мысль об этом в этом же журнале хорошо выразил К. Поляков в своем стихотворении:

Стремя к стремени шли веками,
Все они же: калмык и казак,
Стройно-легкими, победными рядами,
В серой пыли разящих атак⁴.

Да, это было тогда, когда казаки и калмыки общим фронтом, во многих сражениях на многих полях своими саблями стяжали славу для нашей родины — Седого Дона...

Теперь пришли иные времена и иной фронт пришлось построить нам, фронт борьбы за свою независимость, и попрежнему мы видим здесь стоящих плечом к плечу казака и калмыка. Они продолжают свой исторический путь... Повторяем: выход в свет журнала „Ковыльные Волны“ является весьма своевременным и мы, вольные казаки, от всей души приветствуем нового борца за интересы нашей общей Родины.

Василий Фролов.

Два письма.

Передо мною два письма. Два письма и — два мира. Оба — из разных концов и от разных людей. Одно — из Шанхая, от г. председателя Казачьего Союза в Шанхае (не Мельниковского ли Союза?) г. П. Бологова. Письмо от представителя казачьей старшины единородимческого толка. Другое — из одного из пограничных пунктов на р. Амуре, от простого казака — вахмистра (амурца). Письма, повторяю, разные, но касаются одной и той же темы. Впрочем, пусть судят читатели, т. к. считаю, что сравнить их публично будет не безинтересно для многих казаков не только здесь у нас, на Дальнем Востоке. Вот они:

1. „13 ноября, 1930. Шанхай. М. Г. Мы, потомки Ермака, нисколько не раскаиваемся, что наш прославленный Атаман приподнес Сибирь к ногам Московского царя. Его заветы мы чтим свято и по пути расчленения Родного нам Отечества не пойдем. Вопрос о самостий-

ной „Казакки“ нам чужд и не понятен. За спиной группы самостийников безусловно скрываются враждебные силы Национальной Единой России, каковой мы, казаки, желаем видеть свою Родину. На путь измены Казачество стать не может и не станет. Стоит ли Вам заниматься не казачьими делами? Пред. каз. Союза в Шанхае П. Бологов. — Е. В. Б. Г-ну Ковгану“.

2. „Ноября 7 дня 1930. Доброго здоровья дружике П. С. Спешу сообщить следующее: Программы 20 шт. и 4 шт. докладов получил. Журнал „В. К.“ за два раза три штуки получил. Календарь тоже получил. За все большое спасибо. Жаль, что опаздываю отвечать.“

Такая литература как журнал — приходится удивляться — есть же умные головы и у наших казаков, не бьют в бровь, а прямо в глаз, чисто по-казачи, за что надо отдать должное спасибо. Правда, не казаки как-то задумываются перед этим, но тут нет никакого труда людям уяснить и они охотно соглашаются. А казакам нужно читать да читать этот журнал... здесь говорится все и вся, что нужно делать казачу. Я лично не знаю, чем бы мог отблагодарить. Большое, большое казачье спасибо. Я, например, журнал перечитываю несколько раз.

Вот что дружике. Мне удалось подыскать человека, правда контрабандиста, но кажется добрый парень. Я как что, с ним перебрасываю на ту сторону. Хотя он не так часто сюда приходит, но все же бывает. Я все-таки имею сведения, что литература попадает в руки крестьян. Он рассказывает, что очень трудно кому либо передать там, где его не знают, а потом берут охотно...

Я раньше Вам писал о К., который был на той стороне, вернулся и поехал в Харбин с докладом к С. Я от него не скрыл ни одной брошюры. Он сказал, если выгорит казачье дело, то это не плохо, но здесь нужна умная голова... Но я здесь не умолчал, что казаки тоже не пальцем деланы и пожалуй не поедут Москву спрашивать, как им построить свое казачье дело. Бывай здоров, М...“ (От ред. Подлинник этого письма имеется в редакции „В. К.“ Фамилии автора его не помещаем по понятным „пограничным“ соображениям).

— Вот и вопрос: кто же стоит за спиной самостийников? Оказывается, что распространять „В. К.“ — по Бологову это значит — заниматься не казачьими делами, а по вахмистру М. — это дело действительно казачье. Кто ближе к правде — Шанхай или Амур? — Думаю, что Амур. Письма говорят сами за себя.

П. Ковган. (Харбин).

Международная жизнь.

СССР в международных отношениях.

Много было причин способствовавших тому, что большевикам удалось в свое время овладеть столицами бывшей Российской империи, а затем всю ее территорию. Но главное среди этих причин была неудачная война и, как ее следствие — обнищание населения, социальный развал и политическая дезорганизация страны. — Большевизм — это привилегия побежденных, — говорили тогда политические деятели победоносных государств. И были в известной степени правы. Коммунистическая гроза сейчас же после войны пронеслась почти по всей средней Европе, задерживаясь над населением Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и т. д.

Этот факт хорошо усвоили себе Московские люди и первое время своего господства на Востоке Европы весьма мало внимания уделяли внешним отношениям. Торговли не вели, дипломатическую работу пренебрегали, признаниями *de facto* и *de jure* почти не интересовались. К чему? Война разорила и дезорганизовала почти одинаково — и побежденных и победителей. Капитализм — как будто изжил свою творческую силу и обанкротился в великой войне. Близится социалистическая революция. Готовиться надо не к дипломатическим отношениям с буржуазными государ-

ствами, а к организации Союза Европейских Социалистических Республик.

Так думали в Кремле в первые годы царствования Ленина, — и не только думали, но так и действовали. Сотни и тысячи вышколенных агентов брошено было из Москвы в Европу для пропаганды и агитации в соответствующих слоях населения, для укрепления уже существующих и создания новых коммунистических партий, которые должны были явиться опорными пунктами для большевицкой экспансии в желанный час социальной революции. До того верили большевики в эту революцию, что в короткое время не пожалели истратить на это дело сотни миллионов долларов, а в Москве удосужились уже организовать на всякий случай советские правительства для каждого из европейских государств, — и даже имена были опубликованы.

Это было золотое время для московского Коминтерна. Но, радостные ожидания его скоро поклебли перед неумолимою действительностью. Социальная революция запаздывала и, казалось, вовсе не собиралась появиться на европейском горизонте. Экономические и социальные силы Европы, заколебавшись под ударами войны и ее последствий, отвернулись от московского образца и стали на добрые старые довоенные рельсы. Государственная жизнь главнейших европейских стран сильно эволюционировала, но не в социалисти-

ческом устремлении, а в направлении политической демократии, почва которой весьма мало пригодна для коммунистических экспериментов. И что хуже всего, — коммунистические родственники, старшие их братья по Марксу европейские социалисты, — и те стали себя вести „подозрительно“, ибо часто отворачивались от Москвы, вступая в коалицию с буржуазными партиями для общей работы — консолидации капиталистического социального строя и ненавистной политической демократии.

Пришлось отложить в сторону мечты о немедленной революции. Надо было приблизиться официально к европейской жизни, вмешаться самим в гущу международных отношений, отыскивая в них новые пути для тех же коммунистических целей. Этот второй период интернациональной политики Советов падает на последние годы жизни Ленина, на междоусобицы, связанное с именем Троцкого, и на начало вступления „чуждого грузина“ на российский престол.

Исходили из мысли: Европа изживает послевоенные кризисы, революция сама собою не придет, необходимо подготовить для нее почву. А сделать это должно таким образом. Не прекращая деятельности Коминтерна в Европе, проявить себя с нею примиренными, готовыми на сотрудничество и организовать для этого официальные дипломатические отношения. Одновременно ж с тем усилить подрывную работу в Азии, Африке, вообще во всех европейских колониях, и в полуколонияльных странах, расжигая там не только социальные противоречия, но и все расовые, национальные, религиозные и иные антогонизмы. Дезорганизация ж колонияльных стран будет для Европы наибольшим ударом, ибо все источники ее финансового могущества и экономической силы находятся там — за океанами. А ослабленную Европу можно будет взять уже голыми руками.

Второй период интернациональной деятельности Кремля был период блестящих успехов. Европа поверила, — или хотела верить, — в то, что Московские большевики в самом деле стремятся стать мирными людьми, что они раньше или позже вынуждены будут сделать из СССР самое обыкновенное европейское государство, организованное на общепризнанных демократических основах. Как из рога изобилия, посыпались на СССР признания *de facto* и *de jure*. Почти во всех столицах Европы, рядом с подпольными центрами Коминтерна, расцвели роскошные дворцы московских пол — и — торгпредств. Большевицкие представители появились на международных конференциях; коммунистическим дипломатам пожимали руку короли, вступал с ними в переговоры даже сам римский папа.

В Европе СССР легализовался, в остальных частях света лавры его были иные. Там работали те же направленные вовне три главные большевицкие силы, — Коминтерн, Внешторг и Полпредства. Они вошли в гущу интересов всех цветных рас и в значительной мере успели расчехить их недовольство и направить их ненависть против Европы. На память у всех вмешательство большевиков во внутренние дела Китая, где они одно время достигли было даже верховного руководства. Да и теперь еще несколько провинций этой несчастной страны находится в руках организованной Москвою и действующей по ее указаниям китайской коммунистической партии. Известна также советская работа в Афганистане, Персии и Индии. Последнюю страну они взволновали до дна, и по иронии судьбы принимать решительные меры для ее успокоения выпало на долю английского социалистического кабинета Мак-Дональда, — того самого, который несколько лет перед тем с таким воодушевлением признал СССР и устроил полпредство в Лондоне. В Индокитае, на Малайском архипелаге и на Формозе советские достижения выразились в восстаниях против Франции, Голландии и Японии. То же — в Сирии, Палестине и во всем арабском мире. В Африке большевики приложили свою печать к так называемому пан-негрскому движению, в центральной и южной Америке — к индийским племенам, в Соединенных Штатах — к черному их населению, и т. д., и т. д..

В настоящее время мы присутствуем при начале третьего и, надо надеяться, — последнего периода международной деятельности советского государства. Москва как будто кажется, что ее подготовка колониальных и полуколонияльных стран закончена, что отрыв цветных рас от Европы — всего только вопрос времени и соответствующих условий. Надо теперь лишь создать эти условия в международном масштабе, т. е. необходимо вызвать в Европе вооруженный конфликт, в результате которого все великие и малые государства ее захлебнулись бы в крови, в нужде и разорении. Тогда придет черед действовать СССР и наступит, наконец, давно желанное и неизбежное царство социализма в Европе, а за нею — и во всем мире.

Для начала и потом — для всего действия необходимо, конечно, иметь сотрудников, провокаторов и шпионов. Об этом позаботились неофициальные советские силы — Коминтерн и торгпредства.

Нужны также и сильные союзники среди европейских держав. Эта забота легла на плечи большевицких дипломатов. И они их искали и нашли. В начале это были чистые фикции, плод безграмотной политической фантазии. Так известно, что СССР мечтал о Соединенных Штатах, как о союзнике, ибо дескать, Штаты хотят воевать с Англией. Останавливали советчики свои мысли и на Франции, желая втянуть ее в борьбу с той же Англией. Мелкие сравнительно между государственных трения принимали они за неразрешимые противоречия интересов и надеялись довести их своим вмешательством до конфликта. В последнее время, однако, они как будто кое-чему научились, нащупали реальное отношение сил в Европе и их колеблющееся равновесие.

Один союзник был у СССР с самого начала. Это — Германия. Изолированная и униженная, лишенная договорами права на вооружение и на пополнение своих военных запасов, Германия использовала для этого территорию СССР и тем связала себя политически с Москвою крепко и надолго. Большевики-ж в свою очередь все время поэтому пользовались Берлином, как базой для своих легальных и нелегальных выступлений в Европе и вне ее. Германия три года тому назад помогла найти большевикам и второго союзника — Турцию, — как и она, — жертву войны, нуждающуюся хотя бы в кажущейся помощи для охраны ее анатолийских владений. Но этих двух союзников было мало СССР для сколько нибудь активных действий на арене Европы. Нужен был еще хоть один союзник, сильный и независимый, недовольный своим положением. Этот союзник, как кажется, найден был тоже немцами — в лице Италии. Государство это ищет европейских осложнений для удовлетворения некоторых своих претензий, оставшихся неудовлетворенными после мировой войны.

Последние политические события указывают на то, что союзники деятельно работают над подготовкой вооруженного европейского конфликта. Дипломатически — конфликт даже уже начался. Лозунг его — пересмотр мирных договоров. Точка приложения сил — Франция, как главная хранительница современного соотношения политического равновесия в Европе.

Все три союзника действуют как один. Каковы у каждого из них цели — близкие и далекие? Близкие — те же у всех: сорвать современную стабилизацию и равновесие в Европе. Далекие — разные. Германия стремится к восстановлению довоенного своего могущества, Муссолини мечтает о расширении итальянского влияния на всех берегах Средиземного моря, СССР — стать во главе коммунистической Европы.

Цели Италии и Германии так или иначе теоретически еще совместимы; цели СССР однако — противоречивы и германским и итальянским целям.

Могут ли эти державы идти вместе в бой? Могут. Последняя война объединила монархию Николая II с республиканской Францией и демократической Англией против монархии Вильгельма II. Это неестественное положение погубило Россию. Возможно, что этого сегодня как раз и добиваются большевики. Ибо лучше, пожалуй, — „погибнуть с шумом“, чем утонуть в крови там — за стенами Кремля...

Казачья эмиграция.

В Парачине.

Парачинская казачья станица на своем станичном собрании 24 августа с. г. произвела очередные перевыборы станичной администрации. Станичным Атаманом избран есаул А. Дюк, казак станицы Кушевской, помощником — хорунжий К. Карнаухов, казак станицы Родниковской, казначеем — подхорунжий Е. Кривец, казак ст. Роговской, и писарем — чиновник И. Игнатенко, казак ст. Ново-Петровской.

Выборы утверждены Кубанским Войсковым Атаманом.

Из жизни казаков в Крагуеваце.

Когда г. Краснов подал мысль об объединении казаков в станицы и хутора, „донской“ ген. Горелов немедленно организовал в Крагуеваце станицу. Не остался глух к образованию этой станицы и Донской Атам. г. Богаевский, прислал 300 динар на канцелярские расходы и утвердил станицу, хотя для таковой и не было людей, требуемых § 2 положения о станицах и хуторах в эмиграции. Это обстоятельство видимо Донской Атаман упустил из виду, а ген. Горелов считал себя „призванным к выполнению больших организационных государственных работ“ и в силу этого, конечно, должен был стараться пополнять численность станицы до нормы § 2.

Но дальше вышло так: казаки в его станицу слабо записывались и открыто говорили: „Да какая это станица, нет ни печати, ни ревизионной комиссии, да и казаков там как кот наплакал; знаем мы эту „организацию“, есть еще и в Белграде такая же станица, зовется „центральная“.

С такой репутацией Крагуевацкая станица перестала существовать, но атаман „нес свое время“. Так дожила она на бумаге до 1928 г., когда „призванный организатор“ со своим станичным писарем Даниловым начинают действовать: открывают запись казаков, желающих сесть на землю здесь на Балканах. Берут за эту запись по 2 динара, и всех попавшихся на эту удочку, записывают в станицу без согласия последних.

С того времени много утекло воды, а в этой воде видимо утонули и динары, да и организаторов этих раскусили и в земле отказали.

Время оказалось лучшим доктором, доверчивые казаки увидели, наконец, что пора покончить с бумажной станицей и ее организаторами.

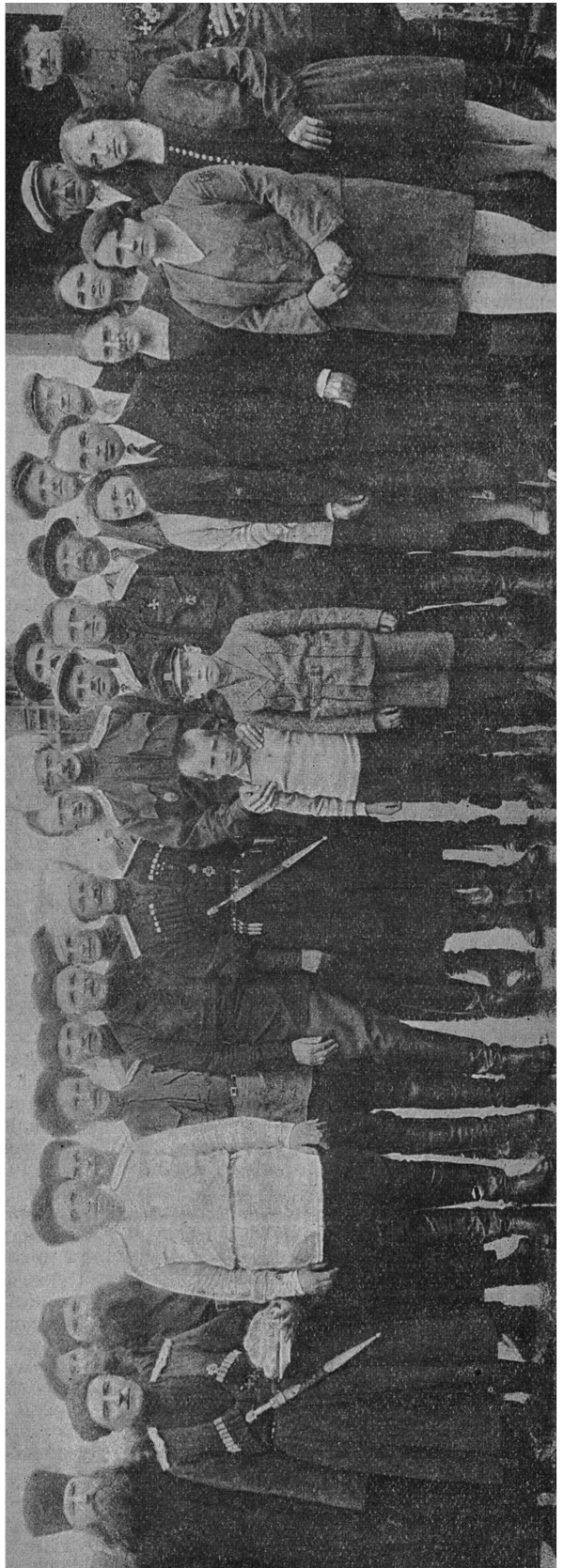
В 1930 г., собравшись на общий сбор, постановили организовать общеказачий хутор, который и утвержден Куб. Войск. Атаманом и в настоящее время превышает своею численностью бумажную станицу.

25-XI-30 г.

А. Чекин.

М. Г., Г-н Редактор!

Из посылаемых Вами журналов „Вольное Казачество“ посчастливилось мне случайно прочитать несколько номеров, из коих узнал, что Вы собираетесь подыскать землю для поселения казаков. Если это Вам удастся, то мой совет, как казака земледельца, подыскивать места, где есть пути сообщения, желательно водный. Набирать первую группу не таких казаков, как набрал Павличенко в Югославии и Лысенко во Франции, потому что в таком случае получится как и в Перу с этими группами. Здесь на местное общество эти группы произвели плохое впечатление в смысле трудоспособности, как земледельцев. 1-ая группа произвела впечатление артистов-джигитов, 2-ая группа — больших господ-инженеров, агрономов и т. д., только не земледельцев. М. Г. не примите все это в обиду, что какой-то рядовой казак взялся поучать Вас. Здесь сама жизнь меня этому научила. Пусть наши казачьи гг. интеллигенты тоже не примут в обиду. Если Вам удастся найти землю для колонизации, то в первую очередь набирайте казаков земледельцев, но ни в коем случае не самих специалистов, как г-н Лысенко, чтобы

Парачинская казачья станица во главе с Кубанским Войсковым Атаманом, генералом Науменко, и своим станичным атаманом, есаулом Дюк.

также не получилось, как с их группой. По моему самые подходящие для этой цели люди это казаки в Югославии, представляющие из себя полки, сотни и группы... Эти люди морально и физически еще не так разложившиеся, как мы, побывавшие на фабриках и заводах, в особенности во Франции. Если Вы этих людей поселите в первую очередь, то они завоюют симпатии своим трудом и для колонизации казаков. Если пойдете по стопам Павличенко и Лысенко, то и Вас постигнет то самое. О таких казаках, например, Перуанское Правительство теперь и слушать не хочет, не то, чтобы еще переселять. Говорят, нам артистов и всяких технических сил не надо.

Здесь на Маркапате земля хорошая, климат тоже, за мое пребывание ни один европеец не заболел. Но первая помеха — нет путей сообщения: на 200 кил. тянется еле проходимая тропа для выючных мулов. А один мул больше одного квинтала не берет (100 фун.), а плата за один рейд за мула 12—15 солей (2 с половиною соля равняется доллару). Так что здесь только старые фермеры имеют доход: с сахарного торстника гонят спирт, даже сахару не производят, ибо доставка станет втрое дороже, чем сам сахар, считая городские цены. Жить можно недурно в смысле еды и на Маркапате, но денег не будет. Правда, здесь есть золотые прииски, где всегда можно в день намыть от 2 до 4 граммов золота, но дожди мешают, переполняют реки водой и закрывают места промывок. Животные здесь растут хорошо, как свиньи, козы; много всяких птиц — гуси, утки и куры, которые по три раза в год высиживают. Так что в этом отношении здесь рай.

Температура за мое пребывание колебалась так: плюс 10, плюс 33. Словом рай и все. Про обилие дичи я уже не говорю и охотятся здесь только тогда, когда надоедает домашняя птица и животные. Свиньи дикие ходят стадами в 300—1000 штук и охота на них безопасна, не то, что у нас на Кубани.

Я здесь за 8 месяцев полтора гектара земли очистил и засадил бананами, апельсинами, пальтой и юкой. Пальта — это фрукт очень превосходный, напоминает сливочное масло. Юка это, как картофель, только далеко лучше. Хлеб заменяет вполне.

Вся группа Лысенко раз'ехалась, осталось только две семьи и то поляков. Я тоже думаю ехать в город Арикипу на молочную ферму, где предлагают 75 соль в месяц, квартиру и стол. Пока не отвечайте, когда прибуду на новое место я Вам напишу и пришлю годовую плату за Вольное Казачество, ибо отсюда посылать рискованно, ибо почта не отвечает. Желаю успеха в начатом Вами трудном деле для Всего Казачества.

Казак М. Ус.

Глубокоуважаемый Г-н Редактор!

На Ваше любезное письмо от 8-XI и запрос в нем о причинах моего продолжительного молчания, сообщая Вам, что я не так давно был серьезно болен гриппом и хотя от болезни той, дал Бог, выздоровел, однако вскоре после того, как последствие плохого лечения, мне стали изменять мои ноги: появился недолеченный в прошлом году ишиас, и сейчас я передвигаюсь с большим трудом. Кроме того, моя память и способность мышления также после этой болезни чрезвычайно ослабели, почему всякие мои попытки написать что-либо для журнала не привели ни к чему. Лечивший меня врач, узнавши о таком состоянии моего здоровья, запретил мне, в течении 2-х — 3-х месяцев, заниматься литературным трудом, а для лечения ишиаса предписал, главным образом, абсолютный покой, впредь до полного выздоровления. Таким образом я сейчас на неопределенное время стал инвалидом и не способен заработать себе пропитания ни физическим, ни литературным трудом, а кроме того, живя одиноко в селе, должен пользоваться посторонней помощью, которая также должна оплачиваться.

Ради этого, в силу крайней моей нужды и преклонного возраста, я вынужден обратиться за материальной помощью ко всем собратьям-казакам, читающим наш журнал „Вольное Казачество“, в котором я по-

стоянно сотрудничаю, с просьбой поддержать меня в критически-трудную минуту и дать мне возможность, по выздоровлении, продолжать литературную работу на пользу и возрождение вольного Казачества. Мой адрес: Jugoslavija. Валево. с. Петница.

Прошу Вас, Г-н Редактор, настоящее мое письмо поместить в очередном номере нашего журнала.

С глубоким и искренним уважением

Александр Пивень.

25-XI-1930 г. Jugoslavija.

† Полковник Андрей Николаевич Евсеев.

10 с. октября я получил от него письмо. Извинялся, что долго молчал и жаловался на навалившуюся на него болезнь, а 27 октября его уже не стало... Не стало одного из старых и славных казаков В. Донского. Ушел он от нас, не дождавшись того лучезарного дня, о котором он — изгнанник на старости лет — всегда мечтал, и которым он только и жил. Ушел от нас опытный, никогда не падающий духом казак-старик, и казачья эмиграция Румынии потеряла в своих рядах лучшего душевного успокоителя и советника, всегдашнюю моральную поддержку и неизменного вдохновителя веры и надежды на наше лучшее Казачье будущее...

† А. Н. Евсеев.

Полковник А. Н. Евсеев — казак ст. Николаевской. В годы „гражданской войны“ был станичным атаманом. Служил Дону и на старости лет, как верный сын своего Отечества, и после гнусного „результата“ этой войны угодил на чужбину вместе со своими станичниками — „беженцами“ да с единственной, оставшейся при нем дочерью, на попечении которой и дожил свои земные дни.

Всем милый и всеми уважаемый А. Н. был для всех нас примером безукоризненной, алмазной чистоты человека и горячим, любящим свое Отечество, казак.

Царство Небесное тебе, дорогой сповизник нашего общего переживаемого нами казачьего лихолетья!

Пусть настоящие скромные строки будут тебе, как примерному казаку, надгробным словом и достойным тебе памятником...

Покойный похоронен в окрестностях гор. Плоешти, в дер. Окница (Румыния).

В. П. Елисеев.

Милостивый Государь, Г. Редактор!

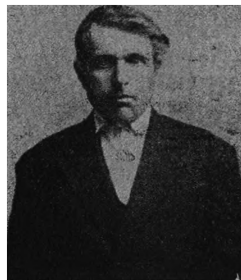
Не откажите в любезности поместить в уважаемом журнале „В. К.“ нижеследующее:

1930 года 25 сентября в гор. Августове скончался казак Оренбургского Войска Владимир Забалуев. (Верхне-Уральский уезд, Янгельской станицы). Покойному было 45 лет. На похороны из гор. Сувалок был приглашен священник, пел местный хор в полном составе.

Красивое пение вечной памяти во время процессии собрало массу местных жителей, так что августовцы были поражены таким дружным сбором казаков со всех окрестностей, так как в самом Августове из оренбуржцев он был один. На гроб был возложен громадный венок из живых цветов, перевязанный длинной, в 5 метров, трехцветной лентой (Оренбургский флаг). И венок и лента — подарок казаков, прибывших на похороны. Тут же, по моей инициативе, был сделан сбор, давший 50 злотых и 90 грошей, на которые на могиле покойного сооружен крест и сделана ограда. И крест и ограда окрашены в белый цвет.

От имени жены покойного приношу сердечное казачье спасибо за казачий отклик на смерть станичника на чужбине. Видно, что одно слово казак говорит много нашим сердцам.

А. Кирьянов.

† В. Забалуев.

В Казакии.

Хлопководство на Кубани.

Не бесплодной ненавистью к кому-то и чему-то проникается сердце при изучении богатейшей природы Казачьих Земель, но пламенной любовью к ним.

Инж. В. Бейсуг. „В. К.“ № 50.

Несмотря на преступную политику коммунистов на Кубани, там и сейчас находятся люди, которые неумолимо работают на благо своей Земли. Любовь к родной стране преодолевает все, и по сельскому хозяйству произведены и производятся ряд опытов и получены такие научные и практические достижения, что мы, казаки, находящиеся на чужбине, можем только радоваться.

На одном из достижений кубанских научных работников (не большевиков) я и хочу остановить свое внимание, а именно на новой с.-х. культуре Кубани — хлопке, или как его называют, в некоторых станицах Черноморья, — бавовнике.

„Здесь что то не так... скажут иные скептики. Почему же раньше ничего не писалось об этом и даже мало кто мог предполагать о возможности культивировать и даже иметь большие плантации высокосортного хлопка у нас, на Кубани?.. Может быть и сейчас еще трудно перестроить свои мысли (несмотря на изданный „В. К.“ календарь-альманах) на то, что у нас, в Казачьих Землях, имеются огромные неисчислимые богатства, которые только нужно использовать. Попробуйте, действительно, освоиться с мыслью, что к привычному перечислению кубанских богатств — пшеница, ячмень, подсолнух, рыба, мед и воск, нефть, лес... и т. д. нужно еще прибавить... хлопок.

Хлопчатник — „дитя солнца“, справедливо говорят американские фермеры. И действительно, на развитие хлопчатника и созревание волокна весьма важное влияние имеет температура летних месяцев; чем лето жарче, тем лучше развивается хлопчатник и тем скорее созревает хлопок. Посевы хлопчатника лучше всего удаются на рыхлых, плодородных, хорошо разработанных, скорее сухих, чем влажных, незасоренных сорными травами почвах.

Местоположение плантации выбирается всегда открытое, солнечное, ибо затенения хлопчатник не переносит. Для появления дружных и быстрых всходов, хлопчатник сеется обыкновенно не ранее начала апреля. Частое мотыжение и умелое, во время сделанное, орошение играют огромную роль в жизни хлопчатника и от них, главным образом, зависит размер урожая. Нормальным числом орошений считается 4-5 раз в течении роста, а при жарком лете до 6-7 раз. Урожайность хлопчатника, т. е. общее количество собираемого с гектара волокна весьма различна, смотря по местности, сорту, культуре и условиям сезона. Для более северных местностей обыкновенный урожай 50 пудов, а

для более южных 65 п. сырца, т. е. волокна с семенами с десятины (1·1 гектара).

В б. Российской империи перерабатывалось более 23 мил. пудов хлопка на сумму свыше 300.000.000 рублей. Главным поставщиком сырья на мировом рынке были Северо-Американские Соединенные Штаты, которые ввозили на русский рынок свыше чем на 100 мил. рублей ежегодно.

Изложенные данные в достаточной мере характеризуют значение для народного хозяйства хлопчато-бумажной промышленности, с которой связаны интересы миллионов населения. При таких условиях естественно, возникает вопрос, нельзя ли развить отечественное хлопководство до таких размеров, чтобы наши фабрики довольствовались хлопком внутреннего производства, не завися ни от Америки, ни от СССР.

Климатические, почвенные и иные условия Казачьих Земель, равно и история развития у нас культуры хлопчатника показывают, что ответ на этот вопрос может быть только положительный. Хотя кубанские земли расположены на северной окраине „хлопкового пояса“, но в общем благоприятны; вредители распространены пока слабо и имеется целый ряд данных для самого широкого развития хлопководства.

Задолго до большевиков на Кубани пробовали разводить хлопчатник. Кусты выходили до 1 метра высоты; волокна получались хорошего шелковистого цвета и длинные. Один гектар засеянного поля давал около 80 пудов семян и волокон.

Как известно, хлопчатник для своего роста требует неоднократных весьма дорогих поливов водой. Стоимость обработки 1 гект. с орошением около 100-150 рублей. Кубань же страна „исключительных возможностей“ и ей на помощь как бы приходит сама природа в отношении орошения земель, находящихся под культурой хлопчатника.

Северо-Кавказский промышленный научно-исследовательский институт, начиная с 1926 года производил ряд опытов по выращиванию хлопчатника на Таманском полуострове. Урожай получился в среднем около 80 пудов и на двух опытных полях даже 150 пудов с гектара. Институт продолжал опыты в 1927 г., значительно расширив их об'ем. Были засажены в различных местах Таманского полуострова ряды участков с различными сортами семян хлопка и при одновременных сроках посева. Собран был приличный урожай, лишь немного уступающий 1926 году. В 1928 г. была весьма не благоприятная погода для растений на Кубани. Несмотря на тяжелые условия для своего вегетационного периода, хлопчатник все же созрел и дал урожай свыше 60 пудов с гектара, в то время как остальные культуры — пшеница, кукуруза, подсолнечник погибли совершенно. Эти опыты заставили даже „недругов“ убедиться в том, что на Таманском полуострове везде имеется полная возможность культуры не поливного хлопчатника.

Весь Таманский полуостров (около 70.000 г.) можно включить в число безусловно хлопководных местностей и даже в недалеком будущем устроить там базу хлопка.

Урожая с 70.000 г. хлопчатника вполне хватит чтобы одеть „всю Кубань“, а оставшиеся излишки можно будет экспортировать за границу.

Для нашего „неполивного“ хлопка не будет страшна никакая конкуренция (орошение стоит больших денег, что значительно удорожает культуру хлопчатника) и помимо использования волокон на ткани и семян на масло, можно будет использовать остающиеся „ненужные отбросы“ — „жмыхи“ для откорма мясного и молочного скота. Ведущиеся в этом направлении опыты дали отличные результаты...

Помимо непосредственных выгод культура „неполивного“ хлопчатника намечает пути к самому широкому развитию интенсивного животноводства, что также играет крупную роль в хозяйстве современных государств, не желающих быть отсталыми и стремящихся к экономической самостоятельности.

О. Батурин.

Что делают большевики?

На фронте хлебозаготовок.

Интересно следить за „оперативными сводками хлебозаготовок“, помещаемыми в ростовском „Молоте“ каждый день. Из номера от 17 ноября мы узнаем, что „до конца хлебозаготовок осталось 13 решающих дней“ и что „Северный Кавказ на 10 ноября выполнил план лишь на 68 процентов“. А посему с большевицкой решительностью ударить по демобилизационным настроениям.

„В ст. Челбасской, Каневского района, ... хлебозаготовки идут плохо“... „Многие колхозы Старо-Минского района не торопятся выполнить директиву крайкома ВКП(б.) о сдаче товарных излишков“...

„Зябь — мощный рычаг завершения сплошной коллективизации края. Массовой работой среди одиночников, организацией их на вспашку в одну борозду с колхозом добить вредительство кулачьего агента“.

„Поднять 5 миллионов га!“ (гектаров).

„В Мечетке выжидают: ни одного га зяби не поднято“.

„Сев озимых в Армавирском районе до последних дней остается неудовлетворительным“...

„Станица Ищерская по хлебозаготовкам тянетнизу весь Моздокский район“...

„Сельсоветы, — на передовую линию хлебного фронта!“ трубит „М.“ 18 ноября. „Становитесь застрельщиками досрочного выполнения годового плана хлебозаготовок! — Изгнать из советов затесавшиеся кулацко-зачиточные элементы, подкулачников! Сломить сопротивление оппортунистов и двурушников ударными темпами хлебозаготовок в единоличном секторе“.

„В решающие дни полностью закончить план хлебозаготовок“.

„Организованным мощным приливом в колхозы завершить сплошную коллективизацию к весне 1931 года“.

„Единоличный сектор — слабейший участок на фронте мобилизации средств на селе. Позорно отстают: Горяче-Ключевский, Ейский, Медвеженский, Тарасовский, Курсавский, Славянский, Кореновский, Баталпашинский и Невиномысский районы“.

„Зябь — основное звено завершения сплошной коллективизации“, вещает „М.“ 22 ноября. Сев не закончен, подьем зяби задерживается“.

„Оперативная сводка хлебозаготовок“ 22 ноября начинается: „Добиться немедленного перелома“.

„В борьбе за хлеб разгромить сопротивление кулака и правых оппортунистов“, приказывает „М.“ 24 ноября. „Драться за каждый говный гектар зяби!“

Удивительные вещи изрекает „М.“ 26 ноября: „Хлебозаготовки — важнейший участок развернутого наступления социализма по всему фронту“. А дальше снова приказ: „в решающие ноябрьские дни рапортовать выполнением годового плана“.

„Весь колхозный актив — в ударные бригады для хлебозаготовок в единоличном секторе. Кулацко-зачиточные элементы, уклоняющиеся от сдачи хлеба по твердым заданиям, к суровому ответу!“

А ниже: „В ст. Губской, Лабинского района, работало несколько бригад. Решительного же перелома в развертывании хлебозаготовок достичь им не удалось“...

„Собрать полностью хлопок с полей края сплошной коллективизации. Темрюкскую, Моздокскую, Прикумскую парторганизации мобилизовать для решительной борьбы за хлопок. Не потерять ни одного кило хлопка!“ „Развернуть массовую работу на хлопковых пунктах“.

В области промышленности.

„В колоннах конкурса — подтянуться! — окрикает „Молот“ 17 ноября. „Краснознаменная“ сталь не сдавай!“ На фабрике им. Микояна „долг возрастает“.

„Штурмовать зиму! Боевая подготовка к зимней стройке — проверка готовности строителей драться за высокие темпы“. — „Оппортунистическая успокоенность Новороссийских строительных организаций ставит под удар промфинплан цемента“.

„Сроки и передышки сокращаются“, кричит „М.“ 25 ноября. „Выше напряжение классовой борьбы за темпы индустриализации. С величайшей выдержкой, полным самообладанием и железной энергией страна советов будет продолжать осуществлять генеральный план строительства социализма“.

„Восполнить брешь в планах особого квартала. Ударить по носителям „объективных причин“, выполнить ноябрьскую программу“.

„Бумажники, не срывайте борьбы за план“.

„Цифры опять бьют тревогу“ — на шахтах.

В коммунистической партии.

„Еще больше укрепим идейную сплоченность, железную дисциплину партийных рядов! Очистим партию от правых и „левых“ оппортунистов, двурушников, блокирующихся в борьбе против генеральной ленинской партии. Партия больше не может терпеть тактики отмалчивания т. т. Рыкова, Томского и Бухарина. Партия не остановится перед применением к ним мер, вытекающих из решения 16 с'езда — так глашает ростовский „Молот“ 17 ноября с. г.“

Большевики готовятся к перевыборам в советы: „партийные организации на селе должны стать подлинными руководителями и организаторами хозяйственной, политической и культурной жизни колхоза, совхоза, села и станицы. Непримиримо бороться за генеральную линию партии на два фронта: против правого оппортунизма, как главной опасности, и „левых“ загибщиков. Очистить большевицкие ряды от двурушников, предателей из право-„левацкого“ блока!.. Возглавить борьбу за хлеб!“ („М.“ от 17 ноября).

„Кулацкий правый уклон является сейчас центром притяжения оппортунистов всех мастей. Сильнее бить по правому уклону, как главной опасности, по „левому“ оппортунизму, беспринципному право-„левому“ блоку и примиренчеству с ним“.

„Решительнее бороться на два фронта!“

„К оппортунистам — никакой примиримости“.

„Проведем перевыборы советов под знаком дальнейшего сплочения рабочих, колхозных, бедняцких и середняцких масс вокруг коммунистической партии“.

„Сокрушим сопротивление кулаков и их оппортунистических агентов, пытающихся затормозить развернутое социалистическое наступление“.

На фронте против „вредителей“ и „интервенции“.

„Наш штык отточен, — господин Пуанкаре! Наши станки — не выдадут, — генерал Лукомский!“

„Рука вредителей тянулась к топливным базам. Топливный голод стране советов готовили агенты Детердинга. Бита ставка вредителей“.

„Заводы, совхозы, колхозы охватила грозная волна гнева и возмущения против вредителей и интервентов“.

„Страна социализма на-чеку! Вопреки чаяниям Пуанкаре, Рамзиных, Нобелей под руководством неодолимой ВКП(б), в непримиримой борьбе с правым и „левым“ оппортунизмом, до конца сокрушая сопротивление классовых врагов, страна советов будет продолжать и завершит социалистическое наступление по всему фронту!“

„Грозен приговор миллионов. Мощными демонстрациями по всему советскому союзу, еще большим сплочением вокруг ленинской партии, новым пополнением ее кадрами лучших рабочих, еще большим укреплением военной мощи советского союза, братской солидарности между пролетариями всего мира, ответили миллионы трудящихся страны советов на замыслы вредителей и интервентов“.

„Возмущение замыслами империалистов переплавить в героическую будничную борьбу за пятилетку в 4 года“.

„Десятки тысяч новых колхозников — грозный ответ интервентам и их лакеям. В развернутом социалистическом походе за завершение сплошной коллективизации ликвидируем кулачество, как класс, сметем прочь со своего пути паникеров, маловеров, презренных двурушников, правых и „левых“ — агентов кулачества!“

Из письма „оттуда“.

... Частной торговли нет; только на базарах торгуют крестьяне из колхозов; дерут изо всей мочи; затем спекулянты, перекупщики. Фунт масла 5—6 рублей, постное тоже 6 руб. фунт. Мяса в кооперативах нет; иногда, раз в месяц дают рабочим. У частных на базаре — 70 к. или 1 рубль за фунт. Конечно, многие не едят мяса. Хлеб по 6 коп. фунт получают служащие и работники; служащим полагается $\frac{3}{4}$ фунта, а рабочим по $1\frac{1}{2}$ фунта. Остальные — хоть подыхай или плати частникам 1 руб. кило. Хлеб серый, белого не видим больше года. Фрукты по 1 р. 50 к. кило; арбузы по 1 р., средний по 40 коп., огурцы по 15 коп. пара. Помидоры — 50, 80 коп. и 1 руб. десяток; яйца 2 р. 40 к. десяток. И так все овощи неслыханно дороги. Искусственный голод. Мука 20—25 руб. за пуд, да это еще не во всяком городе. Мед — 2 р. 70 коп. фунт. Сахару нет; только членам Ц. Р. К. по $\frac{1}{2}$ фунта на человека, а не члены Ц. Р. К. ничего не имеют, даже мыла.

Консервов не видим, ни колбасы, ни сыру — ничего. В это же время, почти все указанные продукты экспортируются за границу. Даже конфеты в прекрасной упаковке, а нам только по книжке Ц. Р. К. по $\frac{1}{2}$ фунта какой-то дряни по 4—5 рублей кило.

Крестьян раскулачили, т. е. попросту сделали с ними то же, что и с интеллигенцией, натравили друг на друга, пообобрали их, посылали, как „кулаков“ в Соловки, в Сибирь, на Урал и т. д., порасстреляли массу. Народ стонет. Теперь крестьянство и часть рабочих поняли, что это, но разобрались поздно.

В Донбасе, около Ростова, в городе Ворошилове строится химический завод немцами для выработки газов для войны, какая-то сделка. До двух тысяч инженеров и техников получают по $1\frac{1}{2}$ —2 тысячи в месяц и только золотом и серебром. Вот куда идет наше золото и серебро. Строят из своего кирпича, хотя наш лучше; их сыпят, а за него забирают хлеб. Для них — отдельные столовки, кормят их отлично, на пороге стоят часовые, чтобы не заходили русские рабочие, которых морят голодом. Они злятся и грозятся.

Карачаевцы, кабардинцы и ингуши взбунтовались, их жестоко подавили, но ненависть их от этого только вдвое усилилась.

Чтобы как-нибудь отвести от себя гнев народа, власть выдумывает великие небылицы; напр., говорит, что виной всему эмигранты. Большевики посылают миру тысячи агитаторов. Недавно, под видом бежавших офицеров, переправлена новая партия пропагандистов, которые снабжены соответствующими документами, чтобы втереться в эмигрантскую среду. Таким образом, не всем бежавшим из России можно верить, ибо бежать простому смертному не легко и „бегут“ в большинстве случаев шпионы.

Церкви почти все закрыты; ходят в них только крестьяне-калеки и старухи; служащих выгоняют со службы за посещение церкви...

Теперь еще придумали. Банк не дает серебра, мелочи нет, купить ничего нельзя, а они чинят обыски, если найдут серебро, хотя бы на 10 руб. — ссылают. Ссылка — это эпидемическая малярия, от которой трясется каждый. При обысках забирают все — золото, вещи, деньги, припасы, материи, хотя бы купленные в их же „госмагазинах“, после долгих стояний в очереди.

Приезжают из заграницы разные делегации, конечно, все коммунисты. Их откармливают, рассказывают. Если те увидят стоящих в очередях людей и спрашивают — в чем дело, „наши“ объясняют, что это бедные люди за даровым обедом. А те едут домой и вероятно рассказывают про страну советов „чудеса“.

В газетах пишут, что в Европе за дезертирство на каторгу ссылают (а здесь расстреливают), или, в Европе рабочие плохо питаются, (а у нас все с каттрами и язвами в желудках), или в Европе безработица (а у нас безработных столько, что биржа труда перестала регистрировать). Иногда просто безумие охватывает человека от всех этих ужасов. Эту зиму не прожить. Все измучены, все задыхаются...

От Казачьего Колонизационного Комитета.

По полученным от инж. Терещенко сведениям, представители Колонизационного Треста выехали 24 прошлого ноября из Нью-Йорка в Мексику для переговоров с Мексиканским Правительством.

Предварительная запись продолжается.

На все вопросы, заданные и задаваемые Комитету записывающимися, Комитет ответит позже, после того, и в случае, если все переговоры будут успешно закончены.

Поправки.

В прошлом номере „В. К.“, в письме в редакцию Ш. Балинова, на стр. 22, 38 стр. снизу, вместо „излучаю“ следует читать „отлучаю“.

В № 69, в ст. П. И. Кокунько, на стр. 13, левый столбец, в 23 стр. сверху, напечатано: „служивший в гренадерском гусарском полку“, — следует исправить так: „служивший в Гродненском гусарском полку“.

В № 67 „В. К.“, в отделе „Думы и мысли“, стр. 14, после фамилии И. С. Константинов следует исправить „уралец“ на „оренбуржец“, т. к. в действительности автор стихотв. „Казак и Урал“ — оренбургский казак.

Казачи!

**Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вильне Козацтво“.**

Открыта подписка на 1931 год

**на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВИЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.**

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	1 1/2 ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochová, 130. Tchecoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.